

Григоров Н.О.

Наше гидро-метео- Даймище

Санкт-Петербург
2007

© Григоров Николай Олегович

Наше гидро-метео-Даймище

Есть на земле кусочек света,
Где речки Оредеж изгиб.
Там, как грибы растут поэты.
Я тоже скоро буду гриб.
Мои стихи – моё богатство,
И лишних слов не говоря,
Примите в Сиверское братство
Меня – поэта-кустаря.

А. Кобрин

Какой же здесь странный центр
Всемирного притяженья?
Какая здесь пролетала
Таинственная НЛО?
Трудно, конечно, дожждаться
Последнего воскресенья,
Но не вернуться в Даймище
Будет нам тяжело.

С. Рубашкин

Да, есть такое место на земле – Даймище. Довольно крупное село к западу от станции Сиверская в Ленинградской области. И речка Оредеж там течет, речка с красными берегами, что воспета многими поэтами. Но здесь не об этом речь. Если пройти чуть дальше Даймища и посмотреть на противоположный берег Оредежа, то можно увидеть какие-то строения – водонапорная башня, длинные бараки, а вот недавно построен и красивый современный коттедж. Это – база Гидрометеорологического Университета. Десять месяцев в году тут затишье. Редко-редко пройдет один пожилой человек – рабочий базы, Евгений Васильевич Савченко. Иногда с ним можно видеть и другого – тоже пожилого, поменьше ростом, это Борис Владимирович Кадик, заведующий базой. Вот и все постоянные обитатели.

Но вот заканчивается студенческая сессия, и в середине июня база преображается. Приезжают студенты. Заполняются бараки, звучат голоса, а по вечерам – песни, на поляне появляются треноги с теодоли-тами, выносятся приборы на метеоплощадку, толпятся студенты, рас-поряжаются преподаватели. Начинается студенческая практика. Так будет до конца июля. Впереди долгие шесть недель работы. Впереди жара и дожди, ночные дежурства, геодезическая съемка местности, запуск шаров-пилотов, откачка воды из скважин, поход в лодках на озеро... Множество работ предстоит выполнить будущим гидрологам и метеорологам. Некоторые из них никогда не видели метеорологиче-

ских карт, не крутили винты настройки теодолитов, не умели разбираться в облаках. Теперь они должны всему этому научиться. И, как нельзя научиться плавать, сидя на берегу, так нельзя стать метеорологом или гидрологом, не пройдя полевой практики.

Практикой руководят преподаватели. Они тоже приехали из университета, и будут здесь работать со студентами до конца практики. Только работа у них здесь особенная. Рабочий день не нормирован. Но если в городе это может означать – отчитал лекцию, и уходи домой! – то здесь эти слова означают другое. Рабочий день преподавателя не кончается и не начинается, он продолжается непрерывно, до тех пор, пока последний студент не покинет базу. И неважно, что на учебу расписанием отводятся только шесть часов в день. В любое время дня и ночи могут возникнуть вопросы. У кого-то не получилась съёмка, и надо все делать сначала, пусть и до поздней ночи. У кого-то в комнате перегорела лампочка, а в соседней комнате студентка заболела, а студент потерял самый нужный для работы прибор... Поэтому все мы здесь на работе двадцать четыре часа в сутки. Даже когда отдыхаем – всегда надо быть начеку, всегда надо быть готовым разобраться в любой ситуации.

Я работаю в Даймище на практике уже 24 года. (Точнее сказать – 24 лета!) Нас, преподавателей, тут бывает по 20-30 человек каждый год, а студентов – до двухсот человек. И конечно, в полевых условиях люди быстро узнают и оценивают друг друга. За эти годы я познакомился со многими людьми, многих узнал и прикипел к ним душой. Вот поэтому и хочу я написать о них. Этот очерк будет о моих коллегах и друзьях, о тех, с кем я работал и, надеюсь, буду работать ещё. Честное слово, эти люди заслужили того, чтобы о них узнали.

Но пока я еще не приступил к работе над этим очерком, передо мной встал непростой вопрос. Действительно, почти все эти люди здравствуют и поныне. А ведь, между прочим, все мы не ангелы. У каждого из нас есть какие-то слабости, о которых мы не хотели бы рассказывать. Можно и обидеть человека. Что же, изображать всех идеальными образцами для подражания?

Поэтому сразу скажу своё мнение обо всех преподавателях и сотрудниках, работающих на базе. Это – за очень редким исключением – люди, глубоко преданные своему делу. Год за годом они ездят сюда, получая невысокую зарплату, мизерные командировочные. Значит, что-то всех нас влечет сюда, несмотря на крайнюю занятость, на нервную работу, на существенное сокращение летнего отпуска. Ответ прост – мы любим свою работу, любим студентов. Да, мы тратим свой отпуск, мы живем в бараках, мало получаем за свой труд. Мало?! Нет, немало! Есть другие ценности, которые не измеряются рублями. Дороже денег нам довольные глаза студента, узнавшего от нас, как можно предсказывать погоду, их благодарные улыбки, письма выпускников, окончивших Гидромет давным-давно.

Ну, скажете вы, притворяется он! Не могут, небось, твои преподы работать в другом месте, только и умеют, что языком болтать! Нет, мол, у них современной хватки, вот и прозябают в бараках! А так бы давно сбежали!

Сбежали бы? Так почему ж не бегут? Ну, я, ладно, а вот Владимир Алексеевич Иванов, золотые руки, может смастерить все, что угодно, может и шкафчик сделать такой, что купят за большие деньги, может дом построить от начала и до конца, почему он не уходит? По современным деньгам зарабатывал бы десятки тысяч! Почему Андрей Геннадьевич Саенко ушел из университета, проработал больше года на стороне, зарабатывая втрое больше, чем здесь, а потом все-таки вернулся? И первым делом поехал на практику, даже не будучи оформленным в командировку! Думаете, не способен? Ого-го! Нет в университете человека, способного так отремонтировать прибор или наладить компьютер. Почему Дмитрий Игоревич Исаев уже почти совсем ушел, уже и на практику решил не ехать, а потом все-таки поехал, и все-таки вернулся? Что, все они неудачники? А почему же студенты готовы за Исаевым и в огонь и в воду? (И действительно, прыгают за ним в речку!) Почему Юрий Александрович Кузьмин уже больше сорока лет проводит свой день рождения (у него как раз во время практики, 24 июня) у теодолитов со студентами? А вроде бы так это просто, сказать – хватит с меня, я уже пенсионного возраста, пусть поработают другие. Нет, не говорит!

Да, бывают здесь и случайные люди. Но долго они не задерживаются, проработают год-другой, и уходят. Основной же наш костяк работает десятки лет. Каждый из них заслуживает глубокого уважения. Поэтому буду писать о каждом из них так, как я помню сейчас. А мелкие недостатки можно простить каждому.

I

Как попасть на нашу базу? Для этого надо ехать с Балтийского вокзала Петербурга до станции Сиверская. Около 65 километров на поезде, больше часа езды. Хорошо бы заранее подгадать так, чтобы приехать за 5-10 минут до отправления автобуса № 500 до поселка Батово, это километров 15 от Сиверской. Расписание автобусов так и составлено. И если бы электрички всегда ходили вовремя, то было бы и совсем хорошо, но, как правило, они всегда опаздывают. Если опоздаешь ненадолго, минут на пять, автобус подождет, а если больше –ждидайся следующего. Можно поехать на автобусе № 502, он довезет вас до села Даймище. База – вот она, рядом, только речку надо перейти. Но моста нет. Был раньше пешеходный мостик, сами же студенты вместе с преподавателями сделали. А теперь надо сходить с автобуса на одну остановку раньше и идти два километра в обход по автомо-

бильному мосту. Пешеходный мост обветшал, и его восстанавливать не стали, потому что иначе бы через нашу базу шел бы сплошным потоком народ в недавно построенное садоводство. Вместо моста у нас теперь отличные мостки для прыжков в речку.

Прибыли в Батово. Дальше надо идти по шоссе до моста через Оредеж. Это место называется здесь Красной Горкой. Место красивейшее, недаром в выходные дни здесь обязательно останавливаются приезжие на автомобилях, и вдоль дороги стоит аппетитный запах шашлыков. Тут прекрасный пляж с характерным для Оредежа красным песком. Обрывистый берег метра три высотой, а в нем – норки ласточек-береговушек. Но мы идем дальше, вот по пути высоковольтная линия, а за ней уже видны ворота нашей базы.

Когда спускаюсь с поля я к мосту,
 Что Оредеж пересекает бурно-милый
 Эмоциям моим названья нет,
 То счастья приступ, даже слишком сильный.

Когда я вижу этот к базе поворот
 И поднимаюсь вверх по Красной Горке,
 Всегда дивлюсь - как что-то здесь растет
 На этой красной почве, на песочке?

Я обхожу ворота, что всегда закрыты,
 Используя ту “тайную тропу”,
 Чуть поднимаюсь – снова предо мною
 Вся база, вновь которой я живу.

Когда я приезжаю сюда вновь –
 Иду вдоль Оредежа, задевая ветки,
 Здесь обретаю свой особый мир
 И все волнения мне кажутся так мелки!

Эти стихи написала Марианна Махова, студентка. Я мог бы здесь привести много стихов, посвященных Даймищу, но все они уже собраны в сборник, который был опубликован в 2000 году. Там их и можно прочитать.

Что же, поспешим вслед за Марианной на нашу базу. Большая поляна, на которой растут лишь несколько берез, да одна прекрасная ель, которая помнит еще позапрошлый век. Если остановиться посередине поляны, то прежде всего заметишь два длинных строения вдоль речки. Это студенческие бараки. В них-то и живут студенты во время практики. Бараки ветхие, построены лет сорок назад. Неудивительно, что вопрос жилья встал очень остро. И вот был построен кирпичный двухэтажный дом. Строили его в безденежные девяностые годы,

строили преподаватели – Дмитрий Игоревич Исаев и Владимир Алексеевич Иванов. Периодически, впрочем, руководство университета нанимало строителей. Материалов не хватало, денег тоже. Поэтому дом вышел довольно оригинальный, много возились с правильной вентиляцией и отоплением. Но сейчас там есть отапливаемые комнаты, и жить там можно, по сравнению с деревянными бараками, просто роскошно. Подумать только – во всех комнатах есть форточки, окно откроешь – свежий воздух идет, окно закроешь – не дует! В одном крыле нижнего этажа располагается мастерская. Здесь царство Евгения Васильевича Савченко, только он может входить сюда. Впрочем, он признал мастерство Владимира Алексеевича Иванова и в любое время дает ему ключ от мастерской. Я захожу сюда только с разрешения Евгения Васильевича, и не иначе, как в его присутствии.

Перед кирпичным домом умывальник. Это длинная труба с несколькими кранами, под которыми большое металлическое корыто. Вода течет из водонапорной башни, которая возвышается над базой метров на пятнадцать. Несколько лет назад её облюбовали аисты, натаскали веток, но гнездо так и не построили. Наверно, сочли место слишком беспокойным. Вода накачивается в башню насосом из подземной скважины, с глубины около 40 метров. Отсюда она поступает на всю базу. И, прежде всего, в столовую, которая расположена рядом с кирпичным домом. Это деревянное здание с кухней, как полагается, и с большим залом, где питаются студенты. Я еще застал в столовой дровяные плиты. Их приходилось разжигать задолго до приготовления пищи. Теперь там электрические плиты и процесс готовки стал намного проще. Правда, иногда отключают электричество, и тогда повара разжигают костер на улице. Конечно, обед на таком костре (на 200 человек!) приготовить трудно, но вот разогреть воду для чая – можно вполне.

С другой стороны кирпичного дома скрывается в ветвях деревьев еще один длинный барак. Сейчас он совсем обветшал, а когда-то и там жили студенты. Мало того, барак был утепленным, с печным отоплением, и потому назывался «зимним». Здесь раньше жили студенты-гидрологи во время зимней практики. Но как только был построен кирпичный дом, барак опустел. Теперь в нем хранится только оборудование. Да и то, едва ли не последний год мы им пользуемся, так он обветшал. Зарос наш зимний барак кустарником.

Рядом с зимним бараком еще одно маленькое строение. Это «комната гигиены». Вообще говоря, душевой у нас нет, но здесь установлены два кипяtilьника, есть тазы, можно худо-бедно помыться. Правда, и с этим проблемы. Во-первых, двух кипяtilьников на 200 человек мало, постоянно стоит очередь. Во-вторых, кипяtilьники установили настолько мощные, что нашего маломощного трансформатора, который питает всю базу, не хватает, вода идет чуть теплая. Так что по-прежнему, проблема мытья решается чаще всего в Оредеже.

А с другой стороны столовой виден целый ряд маленьких домиков. Их больше десятка, все они стоят вдоль одной линии. Это – рабочие помещения для студентов, камералки. Названы они так потому, что предназначены для «камеральной обработки полевых наблюдений». Жить в них нельзя, по сути дела, это только крыша со стенами и окнами. Но там стоят столы, табуретки, и в каждой камералке занимается по 15-20 человек. Вот первая камералка, она несколько отличается от других, потому что была построена чуть позже. Поэтому и номер у неё «нулевой». Здесь занимаются гидрологи. Здесь безраздельно царит Юрий Александрович Кузьмин, руководитель практики 2-го курса гидрофака. Вторая камералка когда-то принадлежала метеорологам. Но, поскольку в практике метеорологов был перерыв в середине 90-х годов, то камералку заняли гидрологи.

Следующие камералки уже принадлежат метеорологическому факультету. В третьей камералке традиционно помещается пункт выдачи учебного оборудования. Здесь хранятся запасные приборы, бланки для записи, и еще много чего. В четвертой камералке раньше были расположены дистанционные приборы, но сейчас эту эстафету перехватила пятая камералка, а четвертая превратилась в учебную.

Пятая камералка – наша. Когда двадцать четыре года назад наша кафедра стала участвовать в практике, нам отдали эту камералку, и мы с Борисом Игоревичем Глушковским сразу же приспособили её под свои нужды. Нужно было установить несколько розеток, разместить на столах пульты управления приборами, а часть камералки мы отгородили перегородкой и превратили в фотолабораторию. Тогда и стали студенты к нам приходить, чтобы проявлять и печатать фотографии, тогда стали выходить стенгазеты, где студенты отводили душу, изображая в фотографиях свою жизнь. Мы полюбили свою камералку, и когда тут окончательно прогнил пол, мы со студентами подняли камералку на цементные опоры и постелили новый пол. Правда, фотолабораторию пришлось сломать. К тому времени уже все перешли на цветные пленки, а вот теперь, и на цифровые фотоаппараты. А приобретенный опыт мы использовали еще трижды – теперь четыре камералки гордо красуются на цементных опорах и с новым полом.

Шестая камералка теперь занята студентами из группы «Ф» - физики. Эта группа тоже проходит через нашу кафедру, поэтому здесь занимаемся мы. Сначала группу физиков вела Ульяна Павловна Мясоедова, но четыре года назад она вышла замуж, и сейчас воспитывает уже второго ребенка. Мне довелось стать его крестным отцом. Ну, а группу «Ф» подхватил я.

В седьмой камералке были метеорологи, затем гидрологи, а вот в этом году снова туда вторглись метеорологи. Восьмая камералка, безусловно принадлежит гидрологам третьего курса. Девятая камералка совсем обветшала. Занятий в ней нет уже несколько лет, и вероятно, её придется снести. Десятая и одиннадцатая камералки отличаются от

других. Это, собственно, металлические торговые павильоны, купленные когда-то институтом для учебных целей. Там раньше занимались метеорологи третьего курса. Потом – кого только там не было, были и гидрологи, были и физкультурники, которые установили там теннисный стол. Но вот в последние годы Дмитрий Игоревич Исаев положил на эти камералки свой цепкий хозяйский глаз, отремонтировал их, насколько возможно, и теперь там занимаются студенты его групп – гидрологи третьего курса. Двенадцатая камералка – тоже его.

Тринадцатая камералка, раньше использовалась, как пункт приема метеорологических карт. До недавних пор над ней стояли столбы антенны, такой, какую рисуют, когда хотят изобразить полярную станцию. Этим занималась кафедра метеопрогнозов. Затем, когда случился скандал с одним из преподавателей кафедры (о чем речь впереди), эту эстафету передали нашей кафедре. Как раз в это время стояло на базе бесхозное здание – озонметрическая станция, маленькое двухэтажное кирпичное строение. Мы воспользовались моментом и захватили «озонку», которая как нельзя лучше отвечала всем нашим требованиям. А тринадцатую камералку теперь используем, как склад.

Четырнадцатая камералка почти совсем скрыта в лесу. В ней занимаются гидрологи третьего курса во время практики по гидрометрии.

Перед камералками – целый гектар поля огорожен решетчатым забором. Это метеоплощадка. Когда практики нет, то там стоят только столбы, назначение которых несведущему человеку трудно понять. Но во время практики там появляются метеорологические будки, на мачту торжественно водружается флюгер, появляются термометры, осадкомеры, и прочая метеорологическая техника. А так как студентов на базе много, то обычно разворачивается не одна стандартная площадка, а несколько. На каждой площадке занимается одна группа. Поэтому приборы дублируют друг друга.

К западу за метеоплощадкой, в глубине леса, стоит двухэтажный дом довольно странного вида. Это было помещение для наполнения водородом оболочек для шаров-пилотов и радиозондов. Поэтому его называли «водородкой». Тогда тут были только бетонные стены и крыша. Но вот на рубеже 80-х и 90-х годов выпуски радиозондов прекратились. Решено было перестроить «водородку» под жилой дом, а на втором этаже устроили просторную лабораторию для сложной электронной техники. Здесь во время практики постоянно живет и работает Наталья Константиновна Екатериничева. Как правило, с ней живут её внуки.

С той же стороны, только ближе к Оредежу видно еще одно деревянное здание. Этот дом построил для себя Владимир Яковлевич Шамис, преподаватель физкультуры. От дома Шамиса к Оредежу спускается лесенка, внизу – источник с чистой, вкусной водой. Вода течет тонкой струйкой, поэтому Шамис ставит под струйку ведро, которое всегда полно воды. Каждый может перелить из этого ведра столько,

сколько ему нужно, и снова подставить ведро под струйку. Брать ведро от источника нельзя, это все мы знаем.

Посмотрим теперь в другую сторону, к востоку. Совсем рядом с входом, справа на горке, стоит типичный деревенский дом с забором. Там постоянно, летом и зимой, живет Евгений Васильевич Савченко, рабочий. Когда вы входите в ворота базы, к вам наверняка с лаем кинется его собака. Бояться её не нужно, полает и перестанет. Но хозяин знает – кто-то идет.

Сразу же при входе на базу вы увидите два довольно хороших деревянных дома. В первом живет заведующий базой, Борис Владимирович Кадик. Во втором – кабинет врача, на двери висит расписание приема, а уже при входе на крыльцо вы почувствуете характерный запах лекарств. К счастью, работы у врача немного, но иногда случаются простуды, отравления и травмы. Поэтому врач на базе присутствует каждый день.

Чуть ближе к лесу от этих домов находится склад, где хранятся постельные принадлежности и небольшое количество разных материалов. Здесь зав базой выдает белье студентам и преподавателям, когда те приезжают на практику.

Рядом со складом – конюшня. Да, до недавнего времени там обитал живой конь. Если войти в конюшню, то можно заметить табличку: «Кличка – Зенит». Когда-то Зенит довольно резво разъезжал, запряженный в телегу или в сани, которые еще стоят рядом с конюшней. Но время шло. Наш Зенит состарился, его заменили моторы автомашин. Тем не менее он продолжал жить на базе в качестве почетного пенсионера. Ходил, где хотел, лежал, где хотел. Иногда во время практики забредал на метеоплощадку, тогда его приходилось выгонять оттуда. Ведь там почвенные термометры, а лошадиных копыт они не выдержат! Правда, не было случая чтобы Зенит что-то раздавил. Вот хлеб он у студентов выпрашивал, это верно! Во время обеда молчаливо стоял у столовой, требуя свою порцию. Сердобольные студенты давали ему куски.

– Не кормите вы лошадь хлебом! – возмущался преподаватель физкультуры Иван Петрович Тарасов. Он прошел войну и цену хлебу знал...

Последние годы совсем одряхлел Зенит. Но когда мой друг Глушковский спросил зав базой Кадика, не хочет ли он продать Зенита на ветчину, Кадик возмутился.

– Ты что, я Зенита люблю! – с возмущением сказал он.

Мы с тревогой думали, что будет, если Зенит вдруг упадет и больше не встанет. Куда его девать? Но он сам разрешил эту проблему. Ранней весной 2002 года Зенит исчез. Ушел. Никто его больше не видел. Волки съели? В этих местах волки бывают. Но тогда хоть какие-то следы должны были остаться. А тут даже костей не нашли. Прожил наш Зенит больше 20 лет.

Если пройти по тропинке между двумя студенческими бараками к берегу Оредежа, то слева, почти на самом берегу, вы увидите баню. Да, у нас есть своя небольшая баня. От бани к берегу речки ведут мостки.

Вот, кажется, и все, что у нас есть на базе. Теперь я начинаю вспоминать тех, кто там работает.

II

Легко сказать – напишу о каждом! А с кого начать, спросил я себя. Спросил... – и почувствовал, что начать не могу. Тех, с кого следовало бы начать, тех, основателей базы, я не знал. На седьмом десятке я оказался слишком молод, чтобы писать о тех, первых. Да, я знаю, что был такой Александр Григорьевич Бройдо, автор учебника, по которому мы здесь занимаемся. Старенький учебник, издан лет 45 назад. Но настолько хорошо там описана методика проведения практики, что даем мы его студентам и по сей день. Потом был издан и другой учебник, под редакцией Елены Георгиевны Головиной и Веры Давыдовны Петрушенко, но лишь как дополнение к учебнику Бройдо. О Бройдо мне довелось только слышать. Говорили, что он вызывал всех студентов, как только заметит на небе что-то интересное или почувствует перемену погоды. И весь факультет стоял и слушал его, задрав головы вверх. Это он придумал круглосуточные дежурства и расписал их так, чтобы все студенты прошли работу на всех приборах. Но нет сейчас Бройдо. На базе работают его ученики, тоже ставшие ветеранами.

Рассказывали, что в 50-х годах на базе вел занятия Лев Григорьевич Качурин, бывший заведующий нашей кафедрой. Он инвалид войны, потерял ногу на фронте. Ездил сюда с сыном, ему тогда было около 10 лет. Сыну очень хотелось поплавать по Оредежу на плоту. И вот Лев Григорьевич сделал плот и сплавился с сыном по реке до Батова (это около 2 километров), положив протез на плот. Я представляю, что для этого нужна определенная смелость, ведь в случае аварии помочь инвалиду с ребенком было бы некому.

Если начинать с самых давних пор, какие сохранила память, то должен вспомнить о Василии Михайловиче Ушакове. Это был опытный синоптик-приборист, работал он на кафедре метеопрогнозов и выезжал на базу со своей женой, Тамарой Васильевной Ушаковой. Василий Михайлович несколько раз ездил на зимовку в Антарктиду. Судьба распорядилась так, что в конце 70-х годов он умер от сердечного приступа как раз во время практики. Его могила – на кладбище в

Даймище, на памятнике изображены льды и пингвины. До сих пор в день его смерти туда приходят преподаватели, иногда даже приезжают из города.

Жену Василия Михайловича, Тамару Васильевну Ушакову, я помню очень хорошо. Эта на редкость интеллигентная женщина работала на практике до конца 80-х годов. Она считалась у нас самым опытным метеорологом, и в затруднительных ситуациях мы всегда обращались к ней. Студенты любили её. Как сейчас, у меня перед глазами стоит картина – Тамара Васильевна сидит на низенькой лесенке у входа на метеоплощадку и с улыбкой объясняет студентам правила обращения с приборами. Её день рождения – 9 июля – отмечали всем коллективом. С её уходом практика потеряла очень многое. В конце 90-х годов у неё был инфаркт, сейчас она живет в городе со своей дочерью, которая тоже училась у нас в институте.¹

Следующий – по возрасту – это Лев Адамович Троупянский, инженер кафедры общей метеорологии.² Я застал его уже пожилым человеком. В первый раз познакомился с ним в 1984 году, когда я с тремя студентами приехал на практику в начале мая, чтобы подготовить базу к практике. Я-то приехал всего на неделю, а вот Лев Адамович остался здесь до начала практики, то есть до середины июня.

– Зачем же так рано? – помнится, спросил я его.

– А как же? – отвечал он. – Надо подготовить все приборы, проверить крепления мачт, сделать поверку. Ведь у нас шесть площадок, и надо, чтобы на всех площадках приборы показывали одинаково! Работы много.

Действительно, работал он много и добросовестно. В технике он был не очень силен, в электронике не разбирался совершенно. Он и сам признавал это. Нас с Борисом Игоревичем Глушковским он уважительно называл «электронщиками». С облегчением он отдал нам сложную технику, сосредоточившись на более простых вопросах. Но дело в том, что во время практики вопросов возникает очень много, поэтому Лев Адамович был занят постоянно. Он всегда внимательно читал дневник дежурного преподавателя во время круглосуточных дежурств. Достаточно было написать: «перегорела лампочка в фонарике № 6». Будьте уверены, к вечеру фонарик будет отремонтирован и проверен. Да и писать было не обязательно – Лев Адамович и так проверял все приборы. Он сам провел освещение на метеоплощадку, так что можно было работать и без фонариков. Это очень пригодилось в

¹ Наш Гидромет несколько раз менял название и теперь именуется Российский Государственный Гидрометеорологический университет. Я буду называть его институтом, или университетом, в зависимости от того, к какому периоду времени относятся описываемые в тексте события.

² Кафедра общей метеорологии теперь именуется – кафедра метеорологии, климатологии и охраны атмосферы (МКОА). В целях сокращения текста, а также в силу привычки, я здесь сохраняю старое название.

сложные 90-е годы, когда нам не под силу было покупать даже запасные батарейки для фонариков.

Как и всякий добросовестный хозяйственник, Лев Адамович был весьма прижимист. За это мы часто поругивали его.

– Представляете, попросил у него белой краски, лесенку подкрасить. Нету, говорит! А ведь привёз из города, я знаю!

– Датчик новый для анеморумбометра не дал! У него целый комплект запасной есть! Ремонтируйте старый, говорит!...

Но зато у Льва Адамовича всегда все было в запасе. Он прекрасно понимал, что можно давать в неопытные студенческие руки, а чего нельзя. В своей камералке он устроил два отделения. В первое, побольше, он пускал всех, в том числе и студентов из числа постоянных своих помощников. Во второе, поменьше, он не пускал никого. Там он хранил инструменты и всё самое ценное.

В конце 80-х годов Лев Адамович ушел на пенсию. О дальнейшей его судьбе знаю, что вскоре после падения «железного занавеса» он эмигрировал в Америку. Сейчас, говорят, его уже нет в живых. Но многое из того, что сделал этот трудолюбивый человек, работает у нас и по сей день.

Было бы несправедливо не упомянуть еще одного преподавателя – Бориса Яковлевича Толстоброва, бывшего доцента нашей кафедры. Но Борис Яковлевич – настолько заметная и неоднозначная фигура, что о нём нужно рассказать подробнее.

Он окончил Гидромет и работал на нашей кафедре экспериментальной физики атмосферы до начала 80-х годов. Когда я пришел в институт в 1970 году, он уже был кандидатом наук, доцентом, руководил научно-исследовательской темой. Планировал защитить докторскую диссертацию. Но этому воспротивился Лев Григорьевич Качурин, наш зав кафедрой. Мне, тогда молодому инженеру, трудно было судить, кто прав, кто виноват, но докторскую Борис Яковлевич так и не защитил. Отношения с Качуриным у него испортились. И, хотя положение у него было достаточно прочное, чтобы вести самостоятельную работу, он ушел от нас заведовать вновь созданной кафедрой информационно-измерительных систем.

Борис Яковлевич был весьма деятельным, честолюбивым человеком. Он избирался председателем профсоюзного комитета института, некоторое время работал деканом метеорологического факультета, а затем – проректором по учебной работе. Говорят, в молодости даже избирался депутатом райсовета.

Когда Лев Григорьевич Качурин по возрасту не мог дальше избираться на должность заведующего нашей кафедрой, Борис Яковлевич подал заявление на эту должность. Возник крупный скандал. Не мог Лев Григорьевич допустить, чтобы его бывший подчинённый, с которым он был в ссоре, стал его начальником. Коллектив кафедры раско-

лолся на две части. Одни (в том числе и я) поддерживали Толстоброва, другие яростно противились. Наш ректор разрубил этот гордиев узел, предложив должность заведующего кафедрой Анатолию Дмитриевичу Кузнецову, молодому преподавателю. Эта кандидатура всех устроила, и Анатолий Дмитриевич успешно заведует кафедрой и по сей день.

А вот Бориса Яковлевича уже нет в университете. Он ушел на пенсию где-то в конце 90-х годов. У него двое детей, дочь Наташа и сын Максим. Оба учились у нас в институте, обоих я хорошо помню. Наташа была очень симпатичной девушкой, старательной студенткой. Максим намного младше её, учился у нас в середине 90-х годов. Был у него звонкий голос, пел он песни так, что было слышно по всей базе.

Вместе с Толстобровым работал на практике инженер Николай Николаевич Бердовский. Очень способный инженер и очень загадочный человек. Молчаливый, сосредоточенный, малообщительный. Никто никогда не видел, как он ест. Мы в шутку говорили, что он подзаряжается, сунув два пальца в розетку. Никогда он не интересовался девушками, только однажды проявил какой-то интерес к молоденькой лаборанточке. Но дальше этого дело не пошло. Совершенно не честолюбивый, Николай Николаевич проработал инженером всю жизнь. Работает и сейчас, но на практику уже давно не ездит.

Работал у нас на практике и доцент-аэролог Михаил Иванович Герман. Затем, где-то в середине 70-х годов он стал заведующим кафедрой космических и авиационных методов исследования, и перестал ездить на базу. О Михаиле Ивановиче знаю только одно – говорят, любил он прекрасный пол, и любовь эта часто бывала взаимной. Девушки упоминали его в песнях, к сожалению, не сохранившихся. Запомнились только две строчки на известный мотив:

Герман! Тебе не хочется покоя!
Герман! Как хорошо на свете жить!

Михаил Иванович умер в середине 80-х годов.

После Михаила Ивановича Германа преподавателем-аэрологом в Даймище стал Вячеслав Николаевич Киселев. Я уже не застал его там, хотя он всего на год старше меня. В начале 80-х годов Вячеслав Николаевич ушел в плавание на научно-исследовательском судне, на практику ехать не смог, да так и перестал ездить. Практику по аэрологии для студентов 3 курса вели доцент Лев Иванович Гашин и зав лабораторией Валентин Владимирович Лазарев.

Лев Иванович Гашин был, что называется, нормальным доцентом. Дело своё он знал хорошо, вел научно-исследовательскую работу, свя-

связанную с обледенением судов. Ездил в экспедиции на судах, а в начале 80-х годов поехал на полтора года преподавать в Мозамбик.

– Коля, – сказал он мне, – придётся тебе читать за меня лекции! Читаешь ты хорошо, справишься?

А я тогда еще не был преподавателем. Был старшим научным сотрудником. И весь мой преподавательский опыт – практические занятия в лаборатории. Ну, прочитал пару лекций для заочников. Но преподавать – это было моей мечтой, поэтому я охотно согласился. В 1983 году я впервые прочитал курс лекций по гидрометеорологическим измерениям. Через год Гашин возвратился, а я уже вошел во вкус лекторской работы.

– Лев Иванович, – попросил я его, – а что если я и дальше буду читать этот курс? Ведь я не преподаватель, вы можете записывать себе эти часы!

– Ладно, – сказал он, – пусть у тебя будет хорошая практика!

Так и остался я читать курс, и читаю его по сей день, за что вспоминаю Льва Ивановича добрым словом. Довелось мне работать с ним и в Даймище, вместе запускали радиозонды и шары-пилоты. Потом обрабатывали наблюдения.

Шаропилотные наблюдения очень интересны. Нужно непрерывно следить за выпущенным шаром в теодолит, постоянно подкручивать винты, наводя теодолит на шар, и периодически диктовать помощнику углы – горизонтальный и вертикальный. Наблюдатель не может оторваться от окуляра в течение всего периода наблюдения, а это иногда 30-40 минут, или даже больше. Руки его тоже заняты, он крутит винты. А лето, как назло, выдалось комариное. И кусают комары бедного наблюдателя, а тот не может даже рукой взмахнуть! Поэтому мы назначали на каждый теодолит не двоих студентов, а троих – наблюдатель, помощник, и гоняльщик комаров, который махал веткой вокруг несчастного наблюдателя. Вся база хохотала над этим зрелищем.

В начале 90-х годов Лев Иванович ушел на пенсию и вскоре умер. Ему было всего 62 года. Говорят, что причиной его болезни была плохая акклиматизация после поездки в Мозамбик. Так это, или нет, не знаю.

Валентин Владимирович Лазарев, зав лабораторией. На практике он выполнял преподавательскую работу. Но если Гашин вел, в основном, шаропилотные наблюдения, то Лазарев специализировался по выпуску радиозондов. Это достаточно сложное дело. Надо подготовить сам радиозонд – картонную коробочку с аппаратурой. Надо подготовить резиновую оболочку, а затем надуть её водородом так, чтобы она достигла 1,5 – 2 метра в диаметре. И самое главное – надо принимать радиосигнал. Для этого у нас была специальная станция «Малахит», маленький фургончик с антенной на крыше. В кабину фургончика Лазарев сажал двоих студентов, а сам во время выпуска забирал-

ся на крышу и направлял антенну на радиозонд. Это самый ответственный момент всей операции. Дальше антенну можно наводить, крутя ручки настройки в кабине. Сигналы записывались, а потом студенты их расшифровывали. Надо было узнать температуру, влажность, скорость и направление ветра на разных высотах. Студенты иногда тратили на эту работу несколько дней. Но сам Валентин Владимирович рассказывал, что когда он работал, то радиозонд нужно было обработать не позже, чем через два часа после выпуска, и сразу же передать данные в эфир. Иначе вся работа теряет смысл. Кому нужны данные о позавчерашней погоде?

Сам Лазарев был опытным аэрологом. Всю методику знал четко, и от студентов требовал того же. О нём сохранился стих:

Осточертели мне радиозонды
И опротивела вся эта обработка.
Кто "ловит шарики", кто просто загорает,
Я ж пялюсь в окуляр, как идиотка.

А небо ясное, прекрасная погода,
И завтра выходной почти - суббота!
И Лазарев сказал мне: "Иванова!
Чего стоишь, когда полно работы?"

Дальше цитировать не буду, тем более, что полный текст есть все в том же сборнике стихов о Даймище.

В начале 90-х годов мы прекратили выпускать радиозонды. Запротестовала служба аэродрома в Сиверской – столкновение самолёта с коробочкой радиозонда приведет к катастрофе. Выпуски были обусловлены такими требованиями, что наш институт был не в силах их выполнить. Мы пробовали таскать радиозонд на веревочке, не выпуская его, заставляли студентов наводить антенну и обрабатывать данные. Но это были уже не выпуски, а жалкая пародия. Лазарев перестал ездить на практику, да и сама практика 3-го курса метфака была закрыта. Так продолжалось до 1996 года, пока Анатолий Дмитриевич Кузнецов, наш зав кафедрой, не ввёл для 3-го курса новую практику. Я был назначен её руководителем.

Сам Лазарев ушёл на пенсию, вскоре заболел тяжелой болезнью курильщиков – облитерирующий эндоартерит. Умер он уже после 2000 года.

Вместе с Лазаревым и Гашиным ездили на практику Виктор Яковлевич Порожняков и Юрий Германович Осипов. Оба они старые антарктические «волки», так что опыта им не занимать. В течение некоторого времени ездил в Даймище доцент Павел Михайлович Мушенко.

Не могу не упомянуть Марину Васильевну Шленёву, которая также проводила практику по аэрологии. Я застал её уже очень пожилой, но два-три сезона мы с ней вместе работали в Даймище. О её дальнейшей судьбе я расскажу в своём месте.

III

Теперь об одной из главных практик в Даймище – практике по общей метеорологии для студентов второго курса метфака. Её бессменным руководителем после Бройдо почти сразу же стала доцент кафедры общей метеорологии Елена Георгиевна Головина. Вообще же работает она в Даймище с 1972 года. Под её руководством, помимо Льва Адамовича и Тамары Васильевны работали Вера Давыдовна Петрушенко, Тамара Давыдовна Жуковская, Александр Федорович Попов, Лидия Андреевна Соколова, Татьяна Петровна Степанюк, Дмитрий Федорович Тимановский и многие другие преподаватели. Но здесь я пишу только о тех, кто ездил на практику в течение многих лет и отдал этому делу порядочный кусок своей жизни. Так что простите меня – те, кто не найдет здесь своих фамилий.

Итак, сама Елена Георгиевна. Как-то раз я спросил её, не состоит ли она в родстве с Федором Головиным, знаменитым русским мореплавателем начала XIX века.

– Да, – ответила она, – между нами есть дальнейшее родство. И не только с Федором Головиным, мы в родстве со многими известными людьми.

Так я узнал, что Елена Георгиевна принадлежит к старинному дворянскому роду. Мы с ней познакомились еще в 1974 году, когда вместе работали со студентами на картошке. Современным студентами приходится объяснять, что это такое. Это значит – весь курс (а то и не один!) в принудительном порядке на сентябрь посылают в колхоз убирать картошку. Ну, а мы с Еленой Георгиевной были в числе руководителей. Нас, как и студентов, тоже не спрашивали, хотим мы или нет. Послали, и все тут.

С Еленой Георгиевной мы как-то сразу подружились. Оказалось, что мы оба кончили один и тот же вуз – физфак Университета, только Елена Георгиевна на три года раньше меня. Энергичная, веселая, с легким общительным характером, она обращалась со студентами с юмором, но умела настоять на своём. Я тогда только учился сложному искусству руководителя, и пример Елены Георгиевны был для меня весьма кстати.

Е.Г.Головина. На заднем плане –
А. В. Набатов.

С 1984 по 1995 год мы с Борисом Игоревичем Глушковским были прикомандированы к практике по общей метеорологии. То есть, Елена Георгиевна была, по сути дела, нашим начальником. Дай Бог всякому такого начальника! В наши дела с приборами она совершенно не вмешивалась, а необходимые организационные вопросы решались легко и ко взаимному удовлетворению. Даже если она бывала чем-то недовольна, то умела высказать это в такой форме, что обижаться было невозможно. Это качество проявляется у неё и в отношении к студентам. Своих студентов Елена Георгиевна любит и в каждого вкладывает часть своей души. Мне часто приходится рецензировать дипломные работы её студентов. И вот, бывает, звоню ей поздно вечером, чтобы выяснить какой-то вопрос, а она отвечает: «Да вот мы с ней (с ним) как раз сейчас это и обсуждаем!» Дома её застать можно только после 11 вечера. Да и то не всегда.

Праздновали мы её юбилей в столовой нашего второго корпуса. Ну, что должен делать юбиляр – сидеть, улыбаться, благодарить всех! Нет, Елена Георгиевна срывается с места и бежит на кухню – кому-то посуды не хватает!

Меня всегда поражала её энергия. И лекции читает, и практику ведет, целое направление в науке открыла (а как же, «Погода и здоровье человека!»), по 5-6 дипломников каждый год, а еще надо студентов из Польши принять, и самой в Польшу съездить, и в планах еще десяток задумок! А ведь все эти годы у неё на руках была тяжело больная мать. Многие из окружающих и не знали об этом.

В 2007 году впервые за много лет Елена Георгиевна не ездила на практику. Её заменила Вера Давыдовна Петрушенко. И хотя Вера Давыдовна тоже опытный преподаватель, отсутствие Елены Георгиевны было заметно.

Мне кажется, что сверхэнергичность Елены Георгиевны иногда ей же самой и мешает. Ну, в самом деле, в сутках-то всего 24 часа, как за это время можно и защиту своих дипломников послушать, и съездить в Даймище разместить студентов на базе? Кому-то надо сказать «нет». Но мечется бедная Елена Георгиевна, стараясь успеть повсюду.

Давно у неё накоплен материал для докторской диссертации. Но ведь всё это надо оформить, написать, защитить! Это требует немало времени. А времени и так не хватает! И вот, по квалификации Елена Георгиевна давно уже доктор, профессор, а формально – лишь кандидат наук, доцент.

А как она старается показать своим студентам что-то сверх программы, сводить их в интересные места, благо их так много кругом! Иногда мы с ней специально освобождали полдня, чтобы сходить со студентами в Музей Станционного Смотрителя в Выре или в усадьбу Набокова в Рождественно. И всегда она расскажет об этих местах не хуже любого экскурсовода, а иногда и от себя что-то прибавит. У неё всегда под руками книги об истории и природе этих мест, которые она покупает в музее-усадьбе Набокова, хотя стоят они недешево.

Кстати, о книгах – многие из них написаны местным краеведом, архитектором Александром Александровичем Сёмочкиным. Когда вы будете в музее Набокова, то, возможно, встретите его. Ведь он директор этого музея, и сам же и восстановил его буквально из пепла. Но Александр Александрович настолько интересный и значительный человек, что здесь в нескольких словах о нём не скажешь. Поэтому я всех отсылаю к его книгам³, где он рассказывает о природе, истории и жителях этих мест.

Вера Давыдовна Петрушенко, ближайший и бессменный помощник Елены Георгиевны. Работает в Даймище вот уже больше 30 лет. По характеру она полная противоположность Елене Георгиевне, хотя между собой они очень дружны. Неторопливая, обстоятельная, всегда у неё на всё хватает времени, всегда всё стоит на своих местах. Её комната – образец чистоты и порядка. Войдешь к ней, так даже стыдно станет за свой беспорядок. И это не показное, это многолетняя привычка, которая становится натурой человека. Такой же порядок у неё и в делах. Все документы, инструменты и приборы Вера Давыдовна держит на своих местах и всегда может быстро найти всё, что нужно. Со студентами она доброжелательна, но очень требовательна, по несколько раз заставляет пересчитывать результат, пока всё не будет сделано без ошибок. Иной преподаватель махнёт рукой, в лучшем случае скажет: «Вот здесь у тебя ошибка, ты, наверно, не учёл вот эту поправку. Ну, ладно!..» Никогда Вера Давыдовна так не поступит.

³ 1. Тень русской ветки. А.А. Сёмочкин, 2002 г.

2. Господин Верхний Оредеж. А.А.Семочкин, 2005 г.

3. Гимны и повести Оредежских долин. А.А. Сёмокин, 2006 г.

Вместе со студентом она разберётся, почему неправильно, заставит учесть все поправки, и с улыбкой закончит объяснение своей любимой фразой: «Понятно, да?» До поздней ночи сидит она со студентами в камералке, пока не добьётся от них правильных результатов.

Мы с Верой Давыдовной познакомились тогда же, когда и с Еленой Георгиевной – на картошке. То ли она сменила Елену Георгиевну, то ли Елена Георгиевна приехала ей на смену, я уже не помню. Но помню, как Вера Давыдовна собирала картошку вместе со студентами, как она ободряла городских девочек, вынужденных впервые в жизни работать на поле по 8-9 часов. Помню, как мы с ней вышли как-то на поле после дождя, и она по-детски восторженно воскликнула: «Радуга! Радуга! Какая красота!»

Но вот если мы с Еленой Георгиевной сразу перешли на «ты», то так обратиться в Вере Давыдовне мне даже и в голову не приходит. Что-то в наших отношениях есть такое, что не допускает фамильярности. И лишь в очень редких случаях мы обращается друг к другу по имени, а так – только по имени-отчеству.

У Веры Давыдовны свой стиль преподавания. Она заставляет студентов читать литературу, подробно объясняя, где что надо прочесть. Не всем это нравится. Иногда слышишь от студентов: «Ну вот, спросил Веру Давыдовну, а она опять говорит – читайте наставление!» Но сказать, что Вера Давыдовна сама не объясняет студентам, конечно, нельзя. Как раз наоборот! Объясняет она много и очень подробно. И не только объясняет, но и показывает. Просто всегда есть такие, кто не очень-то внимательно слушает. А требует она очень строго.

Вера Давыдовна окончила Гидромет, была здесь, на практике, в числе первых студентов. Прекрасно помнит Бройдо. После окончания Гидромета несколько лет проработала метеорологом на Сахалине. По году она чувствует, может её предсказывать по местным признакам, то есть практически без приборов. У метеорологов это считается высшим мастерством. Среди нас она считается самым опытным специалистом после ухода Тамары Васильевны Ушаковой. Иногда я спрашиваю студентов на практике: «В какую группу вы попали?» И если слышу в ответ: «К Вере Давыдовне», говорю: «Вам повезло!» И студенты обычно отвечают: «Да, мы знаем!»

Много лет подряд Вера Давыдовна проработала заместителем декана младших курсов. Помнит очень многих студентов, со многими выпускниками переписывается. И все они, я уверен, с благодарностью вспоминают эту маленькую женщину, которая так многому их научила.

Тамара Давыдовна Жуковская работала на практике до середины 90-х годов. Затем эмигрировала в Америку вместе с повзрослевшим сыном. Тамара Давыдовна мне запомнилась тем, что ходила с чайником в лес за черникой. Собирать ягоды она любила, набирала полный чайник. Иногда приезжала сюда в августе в трудные 90-е годы. Тогда многие сотрудники, в том числе и я семьей, отдыхали в августе здесь, на базе. Плата была скорее символической, а место прекрасное. Удобства, правда, не очень. Но те, у кого не было дачи, могли отдохнуть здесь. На складе до сих пор лежит коробка с надписью «Т.Д. Жуковская». Сама она давно уже за океаном, а её нехитрый дачный скарб так и лежит здесь.

Татьяна Петровна Степанюк, инженер. Ездила на практику до конца 80-х годов. Вместе со Львом Адамовичем Троупянским она обеспечивала приборную часть практики. В её обязанность входило документальное обеспечение – бланки, ленты самописцев, чернила, мензурки и прочая мелочь, без которой измерения невозможны. У неё всегда было много работы при подготовке практики. Надо было ничего не забыть, все разложить по местам. Во время практики она всегда была в своей камералке №3, и к ней то и дело посылали студентов.

– Идите к Татьяне Петровне, возьмите ленту для гелиографа! Сейчас будем его изучать!

Потом, во время круглосуточных дежурств, студенты уже не нуждались в таких напоминаниях и сами приходили к ней тогда, когда нужны были те или иные материалы.

С уходом Татьяны Петровны и Льва Адамовича руководство института решило, что два инженера на практику – это роскошь. Стали посылать только одного. Это были молодые люди, которые рассматривали свою должность, как временную. Работали они год-два, и за это время не успевали даже как следует инвентаризовать имущество. Приезжали они точно к началу практики, а не за месяц, как Лев Адамович. Все запасы Льва Адамовича быстро истощились. Стал ощущаться дефицит приборов и расходных материалов. Купить что-то к этому времени было уже почти невозможно, у нас иногда не было денег даже для покупки батареек для фонариков. И это еще полбеды. Стал ощущаться дефицит кадров, людей. Никто не хотел идти в инженеры, никто не хотел тратить на практику месяц своего летнего отпуска. И вот, Елена Георгиевна осталась без инженеров.

– Ну что же, – говорили нам на Ученом Совете, – преподаватели должны сами заботиться о своих приборах! Кто, как не преподаватель, знает их лучше всех?

Однако, учить студентов – это одно, а заниматься ремонтом и снабжением – это другое. И на преподавателей легла двойная нагрузка. Теперь нельзя было послать студента к Татьяне Петровне, нужно бы-

ло за каждой мелочью идти самому. И вот, бежит иногда Елена Георгиевна за каким-нибудь перышком для самописца, которое отказало, как всегда, в самый неподходящий момент, а вся группа ждёт её на метеоплощадке.

Этого мало. В 90-е годы на руководителей практик возложили еще одну обязанность – получать деньги на питание студентов и вносить их в столовую базы по мере надобности. Пришлось нам осваивать профессию бухгалтеров и инкассаторов. А деньги были не такие уж маленькие, и возили мы их просто в карманах, на электричках. А уж где хранили! – об этом я лучше умолчу, чтобы не смешить читателей. К счастью, это кончилось несколько лет назад, когда был организован спортивный лагерь в Даймище.⁴

Но и это не все. Стала ветшать наша база, стали подгнивали камералки, пришли в ветхость бараки. Денег для строительства, и даже для маломальского ремонта в институте не было. Пришлось нам овладевать профессией ремонтников! Тут, конечно, было не обойтись без помощи студентов. И вот, практически все мужчины-преподаватели стали волей-неволей учить студентов-мальчиков ремонтному делу. Каждый внес вклад по способностям. Особенно отличились гидрологи Исаев и Иванов, о них речь впереди. Наша кафедра перестроила «водородку» под лабораторию для сложной электронной техники, в нижнем этаже устроили две жилые комнаты. Построили себе дома для жилья Владимир Яковлевич Шамис, Альберт Саидович Галеев, Исаев и Иванов. Я с помощью студентов отремонтировал четыре камералки, настелили новый пол и перекрыли крышу. Для девочек у нас своя строительная специализация – маляры. Красим мачты, будки, красим бараки и камералки. Ну, а Иванов и Исаев построили для студентов кирпичный дом. Сначала там была просто кирпичная кладка, потом построили мастерскую, а затем уже нарастили второй этаж. Теперь студенты-гидрологи живут в более-менее приличных условиях.

Однако, всё это полумеры, нужно, конечно, капитальное строительство. И вот, в 2004 году появились кое-какие деньги, решено было построить новый хороший дом! Выстроили. Стоит двухэтажный красавец-дом напротив столовой, обит виниловой вагонкой, с ондулиновой крышей, со стеклопакетами. Внутри – теплые туалеты, душевые кабины! Красивая винтовая лестница ведет на второй этаж, комнаты там просторные, светлые... Не дом, а мечта! На гостиницу «три звезды» вполне потянет.

Вопрос лишь один – кого туда селить? Студентов? Есть опасение, что дикая студенческая орда за один сезон все перепортят. Преподавателей? Но комнаты там на 3-4 человек, а мы как-то привыкли ютиться по одному, пусть даже и не с такими удобствами. Возникла идея – сдавать комнаты, зарабатывать деньги. Хорошая идея. Только вот од-

⁴ Но вот, в 2007 году мы опять получали деньги на питание студентов! История повторяется?

но мешает – практика! В самые лучшие летние месяцы здесь студентов, как пчел в улье. Значит, остаётся август, поздняя весна и ранняя осень. Так и простоял дом пустой, а студенты и по сей день живут в бараках.⁵

Дело, собственно, ясное – надо строить новое помещение для студентов с учетом соответствующих требований. Пусть и не такое роскошное, но удобное и теплое.

Однако мы отвлеклись. Татьяна Петровна уже давно не ездит на практику, но в институте продолжает работать. Между прочим, пишет стихи, хорошие лирические стихи. Выпустила уже два сборника. И если вам попадется в книжном киоске Университета книжка за подписью «Татьяна Аман», знайте – это её девичья фамилия, и её стихи.

Лидия Андреевна Соколова. Я помню её 19-летней девушкой, она в 1970 году работала в машинописном бюро института. Очень была симпатичная девушка Лида, многие парни ухаживали за ней. Одновременно она училась на заочном отделении, потом, после окончания, работала какое-то время на нашей кафедре. Но наш зав кафедрой Л.Г. Качурин не поверил в неё и не стал продвигать дальше. Тогда Лидия Андреевна ушла на кафедру общей метеорологии, скоро стала преподавателем, и в этом качестве появилась в Даймище где-то в конце 80-х годов. Ездила со своим сыном Сашей, и с собакой-боксером по кличке Бой. Мы уже знали – если Бой привязан около камералки, значит, Лидия Андреевна там. В 90-е годы она отдыхала в Даймище в августе, с ней бывала и её мама, приветливая, приятная женщина.

В середине 90-х годов Лидия Андреевна второй раз вышла замуж. Её муж, тоже выпускник нашего института, занялся бизнесом, в семью пришел достаток. Родился ребенок. И Лидия Андреевна из Университета ушла, только иногда приезжает в Даймище вспомнить былые годы.

Дмитрий Федорович Тимановский., зав лабораторией кафедры общей метеорологии. В Университет он пришел уже после выхода на пенсию. В Даймище он появился через несколько лет после ухода Льва Адамовича, в начале 90-х, и занимался снабжением и наладкой приборов. Казалось, что с приходом Дмитрия Федоровича наши трудности с приборами кончились. За его плечами был огромный опыт работы, в том числе и зимовки в Антарктиде. Это был исключительно добросовестный человек. Здесь, в Даймище, он не только наладил все приборы, но и пытался вести научную работу. Сам подключил самописец к пиранометру – прибору для измерения рассеянной радиации, а датчик пиранометра покрыл красной краской, чтобы он регистриро-

⁵ Очень надеюсь, что это просто нелепые слухи, но, говорят, в некоторых умах уже вызревает мысль – раз практика мешает, значит, надо убрать практику из Даймища!

вал красную часть спектра. Как я уже сказал, в 90-е годы был жесткий дефицит приборов и материалов. Но Дмитрий Федорович умел всё изготавлять из подручных средств. И всё бы хорошо, но – увы! – возраст... После 2000 года ему стало трудно ездить на практику. И вот, летом 2006 года пришла в Даймище скорбная весть – умер Дмитрий Федорович в возрасте 76 лет.

В 80-х годах ездил на практику по общей метеорологии доцент Александр Федорович Попов. Флегматичный, невозмутимый мужчина, он приезжал со своими двумя дочерьми, девочками лет 10-15. Тогда он, единственный среди нас, был обладателем автомобиля. Правда, на своей «Волге» Александр Федорович ездил редко. В начале 90-х годов он ушел от нас в Санкт-Петербургский Университет.

Будет неправильно, если я не напишу еще об одном преподавателе. Назовём его здесь Жорес-Маликом⁶. Работал он на кафедре метеопрогнозов, но был прикомандирован к практике по общей метеорологии. Так же как и другие, он вел группу студентов, но в его обязанности входило принимать метеорологические карты, давать обзоры и прогнозы погоды, и обеспечивать на базе радиовещание. Поэтому жил он не в общем бараке, а в отдельном домике, называемом «радиорубкой». Каждое утро, в 7-30 (ни секундой раньше или позже!) Жорес-Малик включал позывные «Маяка». Затем из репродукторов раздавался его голос:

– С добрым утром, товарищи студенты и преподаватели! Сегодня 5 июля, четверг. Температура воздуха +18 градусов. Температура воды в реке Оредеж 17 градусов. Через 5 минут начинается физзарядка!

Далее следовала весёлая музыка, записи Жорес-Малик подбирал сам.

Где-то около 2 часов дня Жорес-Малик созывал всех студентов метфака – и второй и третий курс – на обзор погоды. На специальном стенде напротив камералок он вывешивал карты погоды, принятые по радио. И начинал обзор. Слушать его было интересно, он был грамотный специалист. Всем циклонам и антициклонам он давал собственные названия, в зависимости от того, откуда они пришли. И выходило, что «Скандинавский циклон», не дойдя до нас, повернул на север, а «Черноморский антициклон» прочно стоит на месте и не даёт «Средиземноморскому циклону» пройти своей обычной дорогой на восток.

Студенты его любили, а студентки – особенно. Был он южных кровей, что чувствовалось и по его имени и по его внешности. И не раз девочки шептались между собой:

– Смотри-ка, а Ирка опять из радиорубки идёт! Вот неймётся ей!..

⁶ Это единственный из преподавателей, фамилию которого я по понятным причинам изменил.

Да, был за Жорес-Маликом такой грех. Но никто на него не жаловался, и на такие шалости у нас смотрели сквозь пальцы, тем более, что специалистом он был хорошим. И вроде бы неплохим семьянином. Правда, первая его жена исчезла при загадочных обстоятельствах, оставив ему сына, которому к тому времени было уже 10 лет. Мальчик выезжал с ним, участвовал в наших спортивных состязаниях. От второй жены у него было две дочки, и жена с детьми приезжала к нему на выходные. Помнится, он поставил для детей качели около своего домика, и сам качал маленькую дочку.

Поговаривали, что Жорес-Малик готовит докторскую диссертацию, и уже почти написал её.

И вот этот перспективный преподаватель, этот прекрасный специалист, вдруг он совершил поистине чудовищное преступление!

Я хорошо помню тот день в конце 1986 года, когда меня остановил сотрудник нашей кафедры Боря Екатериничев и спросил, какого мнения я о Жорес-Малике, и не замечал ли я за ним чего-нибудь странного?

— А что Жорес-Малик? — спросил я. — Ну, девочек он любит, это все знают. А вообще-то он хороший семьянин и отец!

— Хороший отец?! — Боря прямо задохнулся. — Да он сына своего убил!

— Как?! — не поверил я. — Не может быть, он же так любит его!

Увы, Боря оказался прав. Вскоре история с убийством стала широко известна, и во всех углах института только и говорили, что о Жорес-Малике.

История была совершенно загадочная и какая-то мистическая. Рано утром, часов в шесть, отец поднял сына с постели, заявив, что они идут искать клады. Десятилетнего мальчика увлечь нетрудно. С собой он взял лопату и топор. Они пошли за ограду кладбища, ближайшего к их дому. Там он и убил своего сына. Топором... После этого сам пошел в милицию и заявил об убийстве. Говорят, бормотал: «Что я наделал!... Что я наделал!...»

Тело мальчика нашли, вина Жорес-Малика была полностью доказана. Мотивы убийства остались загадкой. Сам Жорес-Малик говорил, что он не хотел, чтобы его сын мучился так же, как он. (А как он мучился? Вроде вполне благополучный человек!) Психиатрическая экспертиза гласила — нормальный. Проверяли версию о том, что он, возможно, убил свою первую жену, а мальчик что-то знал об этом. Никаких подтверждений этому не нашли. Вторая жена Жорес-Малика просила о снисхождении к нему...

Был суд, Жорес-Малику дали 12 лет. В институте все осуждали его, некоторые считали, что мало дали. Но вот моя дипломница, которую распределили на Север, говорила:

– Я еду в те места, где много заключённых. Может, я увижу там Жорес-Малика? И если он попросит меня купить ему сигарет, я не смогу ему отказать!

Вот, таковы женские сердца...

Ну, а мы Жорес-Малика больше не видели. Ни в институте, ни на практике. Говорят, что он уже освободился (12 лет давно прошли), но, конечно, преподавателем работать никогда не сможет.

Прием карт пришлось взять на себя нам с Борисом Игоревичем. К сожалению, кафедра метеопрогнозов больше не посылала на практику своих преподавателей. Обзор погоды стали делать студенты третьего курса.

Ольга Валерьевна Тенилова. Появилась на практике в середине 90-х годов. Симпатичная молодая женщина с общительным характером, она сразу стала своей в нашей компании. Помимо преподавания, Ольга Валерьевна много занималась организацией досуга студентов. Это она ввела в нашу жизнь вечера поэзии и авторской песни, КВН и другие праздники, без которых студенческая жизнь была бы пресной. В 2002 году она настояла на том, чтобы мы отметили 40-летие переезда базы в Даймище. Когда мы стали получать гранты от городской администрации на проведение спортивного лагеря, Ольга Валерьевна взялась за организацию экскурсий. С тех пор каждый выходной у нас бывают автобусные экскурсии – в Суйду, в домик няни Пушкина, в имение Ганнибалов, и даже более далёкие – в Копорье, в дом-музей Рериха в Изваре, в Новую Ладугу. Что касается «ближних» пешеходных экскурсий в Выру и в Рождественно, то они теперь стали еженедельными.

С 2007 года Ольга Валерьевна руководит практикой под названием «Экологический туризм». Более подходящую кандидатуру я не мог бы назвать. Но... практика метфака потеряла прекрасного преподавателя! К тому же практика «туристов» длится всего две недели, так что теперь Ольга Валерьевна приезжает на более короткий срок.

IV

Практика третьего курса метеорологического факультета. Я уже писал о том, что практика по аэрологии, которой руководил Лев Иванович Гашин, была закрыта в начале 90-х годов. В течение нескольких лет студенты третьего курса метфака на базу не ездили.

Вообще, 90-е годы – это период упадка практики. Конечно, это связано с недостатком денег, с упадком всей системы образования, а по большому счету – с процессами, происходящими во всей стране. В

1996 году дошло до того, что и второй курс метфака на практику не выезжал! Весь метфак представляли шестеро студентов третьего курса и четыре преподавателя. Я был назначен руководителем этой вновь созданной практики, именовавшейся «Гидрометеорологические измерения и приборы». Кроме меня, в практике участвовали Борис Игоревич Глушковский, Наталья Константиновна Екатериничева и Андрей Геннадьевич Саенко. Позже на практику стала выезжать Ульяна Павловна Мясоедова.

Занятия на метеоплощадке.

Но для нас с Борисом Игоревичем это была не первая практика в Даймище. Как я уже писал, в 1984 году мы были прикомандированы к практике второго курса по общей метеорологии. В нашу задачу входило обучение студентов работе со сложной электронной техникой. Мы быстро разработали методику, и дело пошло! Студенты с удовольствием работали с приборами, разбирались в обилии кнопок и переключателей, а самых способных мы заставляли разбираться в схемах приборов. Расстилаешь на столе схему

размером с хорошую газету, в глазах рябит от обилия деталей.

– Видишь на схеме вот этот резистор (транзистор, конденсатор и т.п.)?

– Ну, да.

– А ну-ка, найди его в приборе!

Иногда поиски затягивались, приходилось давать кое-какие подсказки. Или, например, поиск неисправностей в приборе.

– Ну, изучили анеморумбометр? Нормально работает?

– Да вроде нормально...

– Так, а теперь идите, погуляйте!

Студенты выходят из камералки, а в это время Борис Игоревич или я «ломаем» прибор, вводя какую-нибудь типичную неисправность. Затем следуют слова:

– Анеморумбометр сломан! Найти неисправность, устранить и доложить!

И начинают студенты ковыряться в приборе. В это время мы с коварными улыбочками следим за их действиями. Оставить студентов без присмотра нельзя – в некоторых приборах напряжение до 4000 вольт, да и мало ли что взбредет в неопытные студенческие головы. Иногда неисправность находили быстро.

– Вы предохранитель вынули! Где он?

– А вот тут какой-то завалился!.. – и вынимаю предохранитель из кармана. А сам внимательно смотрю за студентами – ведь это не единственная «бляка» в приборе!

Все это напоминало весёлую игру, и студенты охотно включались в неё. Результатом этой игры должно было стать умение студентов работать с нашими приборами и проводить измерения во время круглосуточных дежурств. Желательно было даже умение устранять мелкие неисправности в приборах.

Особым вниманием у нас пользовалась группа «И» - измерители. Сложные измерительные приборы – это специфика их работы. Поэтому студентов-измерителей мы тренировали как следует. Среди них попадались способные студенты. Помню, в 1985 году была у нас Света Логинова. А тут как на грех, ночью разразилась гроза, ударила молния, и у нас вышел из строя прибор для измерения дальности видимости. Видя моё огорчение, Света принялась утешать меня.

– Ничего, Николай Олегович, починим, это же даже интересно!

– Света, да ведь там, может, силовой трансформатор сгорел! Как его починишь, надо перематывать!

– Ну, так это ещё интереснее!

Прибор всё-таки пришлось тогда заменить, благо, у нас был запасной. А Светлана Вадимовна Смирнова (бывшая Логинова) защитила кандидатскую диссертацию, мне довелось быть у неё оппонентом. Сейчас живет и работает в Москве, подумывает о защите докторской.

Многие наши студенты никогда не видели паяльника, не знали, что такое тестер. Обучали и этому.

– Вот, видите провода? Смотрите, я сейчас их спаяю друг с другом. Так... видели? Попробуйте разорвать!

Берет девушка в руки провод, тянет... Нет, не хватает сил!

– Ну, а теперь вы спаяйте из этого провода колечко!... Сделали? А сейчас я попробую разорвать!

– Ой, что вы делаете?! Ах!.. – пайка не выдержала! Ну, значит, всё снова!...

Двенадцать лет – с 1984 по 1995 год мы с Борисом Игоревичем работали в составе практики второго курса, а с 1996 года – на практике третьего курса. Но здесь я должен рассказать о моём старом друге, коллеге и помощнике Борисе Игоревиче Глушковском.

Борис Игоревич ровно на 10 лет старше меня. Познакомились мы с ним в 1970 году, когда я впервые пришел работать в Гидромет. Он к этому уже давно работал там инженером. Знакомство наше началось с

того, что у меня пропали часы. Я собрался мыть химическую посуду, снял часы с запястья, положил рядом с раковиной. Посуды было много, дело затянулось, я куда-то вышел, а, вернувшись, своих часов не нашёл. Человек я был новый, мне предстояло налаживать отношения со всеми сотрудниками. И, конечно, не хотелось начинать с вопля: «Кто стащил часы?». Поэтому я тихонько сказал своему шефу Валентину, что вот, мол, часы пропали. Валентин не постеснялся, пошел в комнату к инженерам и громко задал вопрос, который я не решился задать.

– Это у раковины? – спросил мужчина невысокого роста лет тридцати с небольшим. – Ну, у меня его часы, пусть благодарит, что я припрятал, а не разбрасывает повсюду!

Мне такая услуга показалась немного странной. Спустя несколько дней я попросил у запасливого Бориса Игоревича сверло. И – бывает же такое! – сломал его.

– Ты сломал моё сверло? – спросил он с обвинением в голосе. – Слушайте! Григорову больше никогда ничего не давать!

Такие слова, казалось бы, не создавали желания сблизиться с ним. Но через некоторое время как-то вдруг выяснилось, что у нас с ним много общих интересов. У Бориса Игоревича был мотоцикл. У меня – мотороллер. Оба мы, оказывается, любили ходить в походы, много знали о цветах, животных и птицах. Разговорились.

– Слушай, откуда ты все это знаешь? – спросил он, когда я с ходу назвал ему пять или шесть видов колокольчиков и подробно описал эти цветы.

– Мне отец показывал, он когда-то окончил сельскохозяйственный институт, – ответил я.

– А мне мать. И еще у меня есть знакомая, опытный ботаник. Хочешь, принесу тебе её книжку?

Книжку он принес, а весной мы с ним поехали за город, мне захотелось показать ему тягу вальдшнепов. С этого времени начались наши весенние походы по Ленинградской области. Каждую весну, в майские праздники, мы с ним ездили за город на два-три дня. Сначала вдвоём. Потом, когда мы начали работать в Даймище, у нас появилось много друзей-студентов. Общительный Борис Игоревич живописал перед ними наши походы, приглашая присоединиться к нам. Оказалось, что студентов нетрудно уговорить! Однажды с нами в поход пошли 17 человек! Все девчонки. Два дня мы простояли целым лагерем в очень глухом месте, видели следы медведя, видели самку вальдшнепа, сидящую на гнезде, и еще множество интересных вещей.

Был у нас на кафедре аспирант Стайчо Колев из Болгарии. Однажды летом мы с Борисом Игоревичем пригласили его пойти с нами в поход на резиновых лодках. Поход состоялся, Стайчо был в восторге! Да и мы часто вспоминаем этот поход.

Наши с Глушковским дни рождения очень близки – у него 4 апреля, у меня 30 марта, то есть, по знаку зодиака мы оба – овны. Обычно мы празднуем в один день, и к нам в лабораторию приходят бывшие наши студенты. С добродушным студенческим юмором кто-то из них прозвал нас «Два «Г» – овна».

При всём при том мы с ним очень часто расходимся во мнениях. Например, в оценке женской привлекательности. «Ну, тебе всегда нравятся уродины!» - говорит он, когда я восторженно о ком-нибудь отзываюсь. По характеру Борис Игоревич – неторопливый, обстоятельный. Я же почти всегда куда-то спешу. В отношениях с людьми он совершенно бескомпромиссный, я же склонен к достижению компромиссов. По стилю жизни Борис Игоревич – ярко выраженная «сова», я предпочитаю работать утром. Однажды я спросил его, как это мы, такие вроде разные, дружим друг с другом уже почти сорок лет?

– Да потому, – ответил Борис Игоревич, – что по большому счету все это чепуха, а основа-то у нас с тобой одинаковая!

Мудрые слова. Почаще бы вспоминать их тем, кто ссорится по пустякам...

Студентов Борис Игоревич любит. И студенты его любят. И студентки... Но – стоп, тут приведу только стишок, который я как-то сочинил ему на юбилей:

О, скольких студенток он плакать заставит,
Уткнувшись в подушку дрожащим лицом!...
В походы ходить никогда не устанет,
И в двадцать, и в семьдесят лет – молодцом!

Всю жизнь Борис Игоревич занимается фотографией. Это по его наущению я когда-то продал своё охотничье ружьё и купил у него фоторужьё для съёмки животных и птиц.

– Убийца! – клеймил он меня. – И так птиц мало осталось, а ты еще тут стреляешь из своего ружья!

Два года мы с ним ходили в фотоклуб, он вдохновлял меня делать художественные фотографии. Сам он фотографирует просто артистически, и, конечно, стал учить этому делу студентов. Это было еще в эпоху черно-белой фотографии. Мы с ним отгородили угол в нашей камералке и сделали фотолабораторию. Я привез из города увеличитель, и мы стали печатать фотографии. К нам потянулись студенты проявлять и печатать свои плёнки. Аккуратного Бориса Игоревича иногда это раздражало.

– Развели тут грязь, кругом налили, за собой не убрали! – возмущался он. Но запретить студентам пользоваться нашей фотолабораторией мы не могли. Иногда студенты засиживались у нас до глубокой ночи. Кипятили чайник, пили чай с нехитрыми припасами, обсуждали местные и мировые проблемы. А потом кто-то из студентов предложил иг-

рать в «Крокодила» (при чем тут крокодил, совершенно непонятно!). Игра эта заключается в том, что игроки делятся на две команды, причем игрок из одной команды пытается жестами представить фразу игрокам другой команды. Ему можно задавать любые вопросы, но он обязан молчать. Во время этого представления его команда, которой фраза известна, умирает со смеху, наблюдая ужимки и прыжки своего представителя. Мы с Борисом Игоревичем сделались страстными любителями этой игры, и многие поколения студентов веселились по вечерам в нашей камералке.

Летом 2004 года во время практики у Бориса Игоревича случился инсульт. Его положили в больницу в Рождественно. Студенты приходили навещать его, даже приезжали из города. К счастью, серьезных последствий не было, но ему стало очень трудно вести занятия.

Борис Игоревич и сейчас продолжает работать. Если вы придете днем во время практики в «озонку» и поднимитесь на второй этаж, вы наверняка увидите его, он сидит за столом и разбирается в приборах. Вечером он выходит «на охоту» со своим новым цифровым аппаратом. Винчестер его компьютера забит фотографиями птиц, насекомых и цветов.

Б.И. Глушковский. На заднем плане – А.П. Тенилов

Наталья Константиновна Екатериничева, зав лабораторией. На практику она выезжает с 1996 года. Она сразу же поселилась в отремонтированной «водородке», с ней обычно выезжают её дети и внуки.

Наталья Константиновна работает у нас на кафедре с середины 70-х годов. Много работала в экспедициях на Кавказе. Тогда выезжали на-

долго – на два-три месяца. Ездили в Грузию, в Алазанскую долину, изучали грозное электричество. Её дочери выросли там, и сейчас очень жалеют, что эти места нам практически недоступны. Теперь у дочерей уже свои семьи, и Наталья Константиновна всё лето проводит с внуками в Даймище.

Мне она оказала неоценимую поддержку, когда я стал руководителем практики. Наталья Константиновна взяла на себя оформление всех документов. У неё в этом отношении был опыт, у меня – никакого. Это теперь мы знаем, как и когда надо составлять списки, как готовить приказы, как оформлять прививки от энцефалита. А ведь когда я в первый раз приехал на практику с одной лишь командировкой, то наш заведующий базой, Борис Владимирович Кадик просто отказался селить моих студентов.

– Где заверенные нашим врачом списки привитых студентов? – грозно вопрошал он меня. – Я не имею права селить студентов без прививок!

Студентов он, конечно, поселил, но стоило это мне немало нервов. Зато на следующий год мы уже подготовились как следует.

Н.К. Екатериничева (в центре) и В.Д. Петрушенко (справа) со студентами.

Наталья Константиновна взяла ни себя и денежные расчеты, а также покупку инструментов и инвентаря. Конечно, помогал наш зав кафедрой, Анатолий Дмитриевич Кузнецов, который умел как-то доставать необходимые средства в ректорате.

В первые годы практики Наталья Константиновна не вела занятий со студентами. Но после того как у Бориса Игоревича случился инсульт, ей пришлось взять его группу, и теперь она ведет занятия со стандартной группой 10-12 человек. Со студентами она работает уверенно, знает, когда можно дать послабление, а когда – жестко потребовать. Кроме того, после ухода с практики Ульяны Павловны Мясоедовой она исполняет в Даймище обязанности библиотекаря.

С её дочерью Машей случилась на базе романтическая история, в которую и я оказался косвенно вовлечён. Как-то летом, когда Наталья

Константиновна ещё не ездила на практику, она попросила меня взять с собой её 19-летнюю дочь Машу, чтобы она могла отдохнуть на природе. Мы с Машей поехали, её благополучно поселили на базе, я занялся делами, а Маша общалась со студентами. Ну, и встретила... Виталика, студента второго курса. Между ними сразу же, как говорят, проскочила искра. Через несколько дней Маша попросилась у меня в город. Я был в полной уверенности, что она едет домой. Она и поехала домой... к Виталику. Влюблённые провели там два дня. Это было еще до мобильных телефонов, поэтому Наталья Константиновна лишь случайно узнала, что Маши на базе нет. Можно представить себе её ужас – дочь пропала! К счастью, в тот же день Виталик, в костюме и при галстуке, с Машей и с букетом цветов появился у них в квартире и с поклоном произнёс: «Я прошу руки вашей дочери!» Было совершенно очевидно, что сердце её он уже получил, поэтому отцу и матери оставалось только согласиться... Брак их вышел на редкость удачным. Теперь у них уже двое детей – Таня и Даниил. Тане сейчас 15 лет, она выросла в Даймище и очень любит эти места.

Андрей Геннадьевич Саенко. По должности он старший преподаватель, по возрасту – самый молодой из нас. Он окончил Гидромет в 1992 году, учился в группе измерителей. Бывал в Даймище в студенческие годы. Самое странное, что я его совершенно не помню. Был он каким-то малозаметным, хотя учился очень неплохо. Поэтому его сразу же взяли к нам на кафедру. Тогда это еще считалось большой честью для выпускников. Андрей стал работать инженером в нашей лаборатории. В первый же год стало ясно, что мы не ошиблись, взяв его к нам. Тогда только начиналась компьютеризация кафедры, и Андрей скоро стал у нас лучшим специалистом по компьютерам. Да и не только по компьютерам. Скоро стало совершенно ясно, что без Андрея наша лаборатория будет просто тихо умирать. Он умеет заставить прибор работать буквально своим дыханием. Однажды мы в Даймище взяли для шаропилотных наблюдений баллон с гелием. Но на этих баллонах стоит левая резьба, а переходный шланг у нас был только с правой резьбой для водородных баллонов. Важная часть работы на практике могла быть сорвана из-за нашей забывчивости.

– Я где-то тут видел шланг на свалке, – спокойно сказал Андрей. Принёс шланг, почистил его, и прикрутил к баллону!

Когда он в 1996 году стал ездить с нами на практику, то все как-то быстро почувствовали, что в случае любых затруднений с приборами следует обращаться именно к Андрею Геннадьевичу. Он наладил приём метеорологических карт на старенькие факсимильные аппараты. Позже он стал принимать карты на компьютер из Интернета, используя в качестве звена связи свой мобильник.

– Ты же тратишь свои деньги! – говорил я.

– Ну, а что делать, если нужно? – отвечал он, безнадежно разводя руками.

Деньги ему, конечно, потом компенсировали. Он наладил прием фотоснимков Земли со спутников, и скоро наша «озонка» покрылась многочисленными антеннами. Снимки он сохранял в компьютере, а потом написал специальную программу, позволяющую их быстро прокручивать. Получался кинофильм о развитии облаков, который мы демонстрировали студентам.

Зарплата инженера у нас до смешного мала. Несмотря на все усилия зав кафедрой дать Андрею Геннадьевичу всевозможные надбавки, он все равно получал очень мало. В середине 90-х ему предложили подать заявление на должность ассистента. Вся кафедра поддерживала его. Но вдруг оказалось, что в случае избрания его на эту должность

А.Г. Саенко на футболе

одной из старейших сотрудниц кафедры придётся уволиться. И

вот прямо на заседании кафедры Андрей

Геннадьевич отказался от предложенной должности и взял своё заявление назад.

В конце 90-х годов, когда с окладами у нас стало совсем туго, Андрей

Геннадьевич ушёл от нас куда-то на производство. Работал монтажником, получал втрое больше, чем в институте. Через год вернулся, благо у нас открылась должность ассистента.

– Не могу, – говорит, – там работать. Иначе я сопьюсь.

Кстати, Андрей Геннадьевич совершенно не пьёт. Даже в компании, когда, кажется, нельзя не пригубить хорошего винца, он поднимает бокал с соком.

Его день рождения приходится на период практики – 5 июля. Однажды благодарные студенты от чистого сердца преподнесли ему... бутылку водки! Помню, как он хохотал, держа перед нами эту бутылку и не зная, куда её деть. Бутылка, конечно, не пропала, но Андрей Геннадьевич не выпил ни капли.

Для студентов Андрей Геннадьевич – кумир, хотя он очень строг с ними, требуя полных и безупречных знаний. У него в «озонке» постоянно сидят несколько человек, разбираются в приборах, рисуют карты, а то и просто рассматривают фотографии птиц и цветов, которые он делает мастерски.

– Ходят, ходят!... – ворчит он иногда. – То покажи им снимки, то на флешку перепиши!...

Сказать студентам «нет» Андрей Геннадьевич не умеет и не хочет. До позднего вечера сидит он со студентами в городе. До поздней ночи засиживаются они у него в Даймище.

– Когда же ты спишь? – удивляюсь я, видя его в 8 утра совершенно бодрым.

– А мне хватает! – невозмутимо отвечает он. – Да вы же сами сидели ночами, вспомните себя!

Но вот студенты уехали. Андрей Геннадьевич остался ещё на несколько дней монтировать охранную сигнализацию для наших помещений.

– Ну, теперь будет тебе полегче! Отдохнёшь от студентов! – сказал я ему.

– Да что отдыхать! – ответил он. – Пришел я в «озонку», там тихо, никого нет! Скучно!..

Однажды в студенческом бараке вдруг выключился свет. Обследовав проводку, мы нашли короткое замыкание и обнаружили, что проводка так обветшала, что включать её было просто опасно. Мог возникнуть пожар. В течение двух дней Андрей Геннадьевич с утра до вечера монтировал новую проводку. Одновременно он еще ухитрялся вести занятия. За эту работу ему потом что-то заплатили, хотя, когда он её делал, то совершенно не думал о деньгах.

Думаю, что именно Андрей Геннадьевич может впоследствии заменить меня в качестве руководителя цикла и руководителя практики. И, хотя он ненавидит бумажно-организационную работу и приходит в ужас от такой перспективы, мне хочется надеяться, что так оно и будет.

Ульяна Павловна Мясоедова, наш инженер. К нам она пришла работать в 1997 году, когда еще училась на заочном отделении нашего

Университета. В это время на нашу практику легла дополнительная нагрузка – к нам стали посылать группу «Ф» – физики-гидрометеорологи. Обычно там бывает от 7 до 10 человек. Ульяна Павловна взяла эту группу. Отношения со студентами у неё сложились прекрасные, а метеорологическую практику она недавно проходила сама.

Я хорошо помню Ульяну студенткой. Тихая немногословная девушка, она казалась какой-то робковатой, хотя работала очень старательно. Обстоятельства заставили её перейти на заочное отделение, поэтому она задержалась с окончанием Университета. Окончила лишь в 1999 году, я был руководителем её дипломной работы.

Ульяна Павловна прекрасно вписалась в наш коллектив. Оказалось, что она тоже любит походы, палатки и костры. Есть у неё еще одна любовь – к животным. На практику она приезжала с собакой, красавцем афганским борзым по кличке Топ. Ходила за ягодами, за грибами, чаще всего Топ сопровождал свою хозяйку. Ульяна Павловна охотно участвовала в студенческих играх и развлечениях.

У Ульяны Павловны, можно сказать, Божий дар – она любит детей, хорошо их понимает и охотно занимается с ними. Пока у неё не было своих детей, она ухаживала за другими. В 2003 году она вышла замуж, сейчас у неё уже двое детей, которые должны быть счастливы, что у них такая любящая мама.

Но вот на практику Ульяна Павловна уже не ездит. С 2004 года группу «Ф» пришлось взять мне. Вернётся ли она к нам?.. Нашей зарплатой инженера трудно привлечь.

Слева направо: Е.Г. Головина, О.В. Тенилова, А.А. Сёмочкин, автор.

Несколько слов о Карине Левановне Восканян, сменившей у нас Ульяну Павловну. Карина Левановна ездила с нами на практику всего один год. И так как здесь я пишу о ветеранах, то, может быть, и не стал бы упоминать о ней, если бы не одно обстоятельство. Карина Левановна оказалась очень добросовестной и целеустремленной. В её обязанности входил учет инвентаря и выдача его студентам. Но она вдруг стала задавать мне такие вопросы, что стало ясно – Карина Левановна стремится узнать все аспекты метеорологических измерений до тонкостей.

– Карина, это ведь сейчас не входит в твои обязанности, – говорил я, объясняя ей тот или иной вопрос.

– Но студенты-то спрашивают! Я же должна им ответить! – возражала она.

Что тут скажешь? Всё правильно. Карина Левановна поступила на заочное отделение нашего Университета, этой весной слушала мои лекции.

У Карины Левановны очень необычная судьба. Господь наделил её прекрасным голосом, она поступила в Консерваторию, училась там. Но... вышла замуж, родилась дочка, и она решила уйти.

– Я поняла, что нужно делать выбор между домом и карьерой певицы, – говорила она. – Ну, что же, мне дороже моя семья!

Наш Университет оказался рядом с её домом, это её очень устроило. Но вот, год назад у неё родился второй ребенок, и она, конечно, была вынуждена взять отпуск.

– Обязательно еще поеду в Даймище! – говорит она. – С ребенком. Ничего, буду работать!

По праздникам Карина Левановна иногда поёт на кафедре. И мы слушаем её чудесный голос, который мог бы сделать честь хорошему театру.

V

Поскольку я работаю на метеорологическом факультете, то сотрудников гидрофака знаю, конечно, хуже. Тем не менее, здесь, на практике, нам приходится взаимодействовать. Многие проблемы у нас общие. Поэтому я считаю себя вправе написать и о них. Может быть, я вспомню не всех. Ну что же, прошу прощения у тех, кого не вспомнил.

Гидрологи у нас ездят на практику в Даймище четыре раза. Самая долгая практика у второго курса – шесть недель. Четыре недели длится практика по геодезии и две недели – по гидрогеологии. Затем, на третьем курсе, у них зимняя практика – две недели. После третьего

курса три недели практики по гидрометрии, а затем, в начале четвертого курса – осенняя практика по воднобалансовым исследованиям.

О зимней и осенней практике писать не буду, поскольку при этом не присутствовал. А вот летняя практика второго и третьего курса проходит на моих глазах, и практически со всеми преподавателями я знаком.

Основателем этой практики, её легендой, считается Дмитрий Михайлович Кудрицкий, который разработал всю методику её проведения. Дмитрий Михайлович работал на практике с 1951 года до середины 70-х годов. Сейчас его уже нет в живых.

После Дмитрия Михайловича практикой второго курса по геодезии руководит Юрий Александрович Кузьмин. Среди нашего коллектива

Ю.А.Кузьмин

у него самый большой стаж работы на практике – почти сорок лет. Поэтому нет ничего удивительного в том, что последние пять лет он у нас, кроме проведения занятий, исполняет ещё обязанности представителя ректората на базе. То есть, здесь, в Даймище, он обладает теми полномочиями, которыми в городе наделен ректор Университета.

С первого взгляда Юрий Александрович производит впечатление очень серьезного, не улыбочивого, до педантичности аккуратного человека. Со студентами он очень строг. Но мне вспоминается цитата А.С. Макаренко из «Педагогической поэмы».

« ...ребята не оправдывают интеллигентского убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь проявляются по отношению к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, ... постоянная готовность к работе – вот, что увлекает ребят в наибольшей степени.

Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они на вашей стороне, и они вас не выдадут. Все равно, в чём проявляются эти ваши способности, всё равно, кто вы такой: столяр, агроном, кузнец, учитель, машинист».

Вот именно таков Юрий Александрович. Его объяснения всегда очень подробные и полные, требования он ставит предельно чётко и добивается их неукоснительного выполнения. В молодости, после окончания гидрофака нашего института, он служил в армии. А армейская специальность у нас для всех студентов одна – военный синоптик. Потому Юрий Александрович знает метеорологию не понаслышке. И неудивительно, что военная служба наложила отпечаток на характер его общения со студентами. Мне вспоминается случай, произошедший лет 10 назад, когда Юрий Александрович еще не был нашим общим начальником. Однажды вечером, уже довольно поздно, я увидел, как кто-то из студентов-гидрологов в нетрезвом кураже проломил шестом дверь камералки. Там в это время сидела наша ночная дежурная смена. Я, конечно, сделал замечание, спросил фамилию. Студент отказался назвать себя и пошел в барак. Мне пришлось обратиться к Юрию Александровичу. Вместе с ним мы пошли в комнату к гидрологам. Там шумела весёлая компания. Но как только Юрий Александрович открыл дверь, все они моментально попрыгали в постели, как мышки в норки, и притворились спящими. Естественно, Юрий Александрович сразу же «вычислил» виновного и принял меры.

Было бы неправильно сказать, что студенты боятся Юрия Александровича. Нет, они глубоко его уважают, безоговорочно признают его знания, опыт и авторитет. На его практике студенты заняты с утра до глубокой ночи. Их всегда можно видеть с теодолитами и рейками, иногда даже с фонариками, если уже становится темно. В дождь они работают под большими зонтами, наподобие пляжных. Только во время сильного ливня съёмка местности не проводится, студенты обрабатывают наблюдения в камералке.

Не только студенты, но и сам Юрий Александрович занят до глубокой ночи. Вообще говоря, у нас всегда есть дежурный преподаватель, который и должен смотреть за порядком на базе. Но Юрий Александрович всегда сам обходит всю базу, иногда даже в 1-2 часа ночи. Нарушения чаще всего одни и те же – студенты пьют.

День рождения Юрия Александровича приходится на самое начало практики – 24 июня. Студенты всегда его поздравляют, и поздравляют очень душевно. На стенах камералок я видел надписи типа «Ю.А. Кузьмин – лучший!» А это, поверьте, дорогого стоит.

В заключение приведу одну цитату, взятую из студенческого сайта в Интернете.

– А как там Кузьмин в Даймище? Очень жжёт?

– Кузьмин? Да, говорят, строгий мужик. Знающий дядечка, старой закалки.

Вместе с Юрием Александровичем Кузьминым на практику многие годы ездит Светлана Михайловна Турьева. С ней я знаком меньше. Могу сказать только, что она, безусловно, знающий и опытный преподаватель. Когда у нас случилась неисправность с шаропилотным теодолитом, именно Светлана Михайловна помогла нам. В ней чувствуется уверенность, основанная, конечно, на большом опыте. Когда я начал ремонтировать пол в камералке, то не знал, как взяться за это дело. На меня буквально сыпались разные советы. Иногда они были просто невыполнимы, иногда взаимно исключали друг друга. Я немного растерялся.

– Да вы составьте свой собственный план! – сказала мне тогда Светлана Михайловна. – И действуйте так, как считаете нужным!

Такой совет был весьма кстати. Я последовал ему, и всё оказалось не так уж сложно.

Сейчас, когда в Университете появился экологический факультет, Светлана Михайловна стала руководителем практики экологов второго курса. Работы у неё прибавилось, но она энергична по-прежнему.

В течение ряда лет с середины 90-х годов на геодезическую практику ездил Александр Павлович Тенилов. У них с Ольгой Валерьевной, это, можно сказать, семейный выезд. Муж – гидролог, жена – метеоролог, так у нас бывает очень часто. Или наоборот.

Александр Павлович сразу же обратил на себя внимание своей энергией и уверенным обращением со студентами. Поэтому, когда у нас организовался спортивный лагерь студентов, то уже через год он стал начальником лагеря. Лучшего кандидата на эту должность и не предложить. Но прежде я должен объяснить, а что это, собственно, такое – спортивный лагерь.

Это значит, что городской комитет по спортивной работе с молодёжью выделяет Университету деньги на проведение спортивного лагеря для студентов. Для нас это было поистине даром Божиим, потому что на проведение практик денег выделялось очень немного. Сразу же появилась возможность улучшить питание студентов, купить кое-что из спортивного инвентаря (но не приборы!) и даже начать капитальное строительство. Приехавшие на практику студенты оформлялись в спортивный лагерь.

Но ничто не даётся даром. Получив грант, Университет должен был организовать на базе спортивную и культурно-массовую работу. Собственно, для этого и выделялись деньги, а вовсе не на учебные практики. Кафедра физкультуры и так каждый год посылала на базу своих преподавателей (о них я позже скажу), так что спортивная работа ху-

до-бедно велась всегда. Проводились соревнования по футболу, баскетболу и волейболу между факультетами, проводилась эстафета, студентов учили плавать, управлять лодкой. Каждое утро проводилась физзарядка.

Теперь всё это предстояло резко активизировать. Участие студентов во всех спортивных мероприятиях стало обязательным. Кроме того, необходимо было проводить экскурсии, игры и дискотеки, тематические вечера. Эту часть работы взяла на себя Ольга Валерьевна Тенилова. Спортивную работу, как и прежде, проводили преподаватели кафедры физкультуры. А Александр Павлович сосредоточил усилия на самой трудной части работы – следить за студентами, не допускать нарушений дисциплины, наказывать виновных и организовывать хозяйственные работы. Самой неприятной, но и самой необходимой работой для нас является вырубка деревьев. Это нужно делать ежегодно, иначе база зарастает. Александр Павлович посылал на эту работу провинившихся. Сам он, крепкий молодой мужчина, с топором в руках показывал пример.

По утрам Александр Павлович входил в студенческий барак, спящий мертвым сном после ночных гулянок, и громовым голосом кричал: «Подъём! Подъём! Все выходим на физзарядку!» Девочки даже сложили песню, помню лишь два слова:

И вот Тенилов идёт –
Прощай, моя кровать!

Нужно сказать, что Александр Павлович всегда чувствовал меру и не перегибал палку. Студенты это чувствовали и уважали его за справедливость.

Вообще говоря, когда в скученных условиях оказывается много 18-20-летних мальчишек и девчонок, необходим достаточно твердый порядок и управление. Иначе студенты, вырвавшиеся из-под родительской опеки, могут натворить глупости, и в конечном итоге, сами себе навредить. Сколько раз я слышал эти слова, произносимые уже задним числом: «Да, да, я виноват! Но – простите меня, простите!...»

Ведь этот возраст – это опьянение только что появившейся собственной силой, свободой, но – увы! – это еще не возраст осознания ответственности за свои поступки.

У Александра Павловича было много задумок относительно устройства базы. Он сам заложил цементные опоры для строительства склада вместо совершенно ветхого старого барака, который мы использовали под склад. К сожалению, малая зарплата, недостаток средств в доме и ответственность за благополучие семьи заставили Александра Павловича сменить место работы. Вот уже два года он не работает у нас, и только по выходным приезжает повидаться с женой.

Из других преподавателей и сотрудников, выезжавших на практику по геодезии, упомяну Валерия Викторовича Яцуху, в обязанность которого входит материальное обеспечение практики. В разные годы выезжали на практику Юрий Александрович Яковлев, Вера Алексеевна Голосовская, Надежда Александровна Саноцкая.

В последние две недели проводится практика по гидрогеологии. Её ведет Нина Александровна Бродская. Она обучает студентов исследовать пробы грунта и водит их по ближним окрестностям базы. А грунт здесь уникальный – красноцветный песчаник. Копнёшь лопатой на полметра – всюду наткнёшься на красный песок. Говорят, таких мест всего два на земном шаре – у нас и в Йеллоустонском парке в США.

Вместе с Ниной Александровной эту практику проводит Ольга Борисовна Кадик, дочь нашего заведующего базой Бориса Владимировича. Студенты под её руководством роют ямы, берут пробы грунта, потом как-то прокалывают его и исследуют состав.

Специально из Санкт-Петербургского Университета на эту практику приезжает Наталья Анатольевна Виноград. Эта молодая симпатичная женщина занимается со студентами откачкой и исследованием грунтовых вод. В лесу, на окраине базы специально сделаны скважины, из которых откачивается вода с большой глубины. Когда проводится эта работа, мы все ходим к этим скважинам за водой. Чистая, вкусная вода с температурой всего $+7^0$ в самую жару, она как нельзя лучше подходит для питья и для готовки.

VI

Практика по гидрометрии для студентов третьего курса проводится обычно в июле. Перед этим студенты работают в городе, эта часть практики называется «Большая река». Большая река, как известно, у нас одна – Нева. Затем они проходят вторую часть практики – «Малая река». Это, конечно, Оредеж. Кроме того, студенты на лодках выезжают на Чикинское озеро и там занимаются измерением глубин и прочими гидрологическими премудростями.

В течение многих лет этой практикой руководила доцент Елена Сергеевна Субботина. Она окончила наш Гидромет, бывала в экспедициях, так что опыт у ней большой. С Еленой Сергеевной я познакомился в первый же год моей работы в институте, то есть в 1970 году. Оказалось, что она моя ровесница. На практике в Даймище мы с ней оказались в соседних комнатах. Более того, так же как и я со своей семьёй, она многие годы предпочитала отдыхать здесь в августе. Вместе ходили за ягодами на дальнее болото – за морошкой, за клюквой. К ней

приезжала племянница с маленьким сыном и с огромной черной собакой-ньюфаундлендом.

В разные годы в этой практике принимали участие Александр Васильевич Илларионов, Александр Павлович Морозов, Антон Владимирович Набатов, Валерий Иванович Гавриленков, Вера Аркадьевна Шарова, Елена Константиновна Георгиевская, и другие преподаватели.

Последние годы Елена Сергеевна не руководит практикой. Она с облегчением уступила эту честь Дмитрию Игоревичу Исаеву, который к этому времени тоже стал доцентом.

Дмитрий Игоревич Исаев появился у нас на практике в 1983 году. Молодой, энергичный, жизнерадостный, он сразу же расположил к себе всех. Выезжал он с семьей – с женой и сыном, иногда к ним присоединялась его мама. Жить такой семьей в бараке было неудобно, тем более, что вскоре родился и второй сын. И вот, Дмитрий Игоревич вместе с Владимиром Алексеевичем Ивановым присмотрели стоящую на отшибе брошенную камералку и, получив разрешение руководства, перестроили её под жилой дом. Получились две комнаты на две семьи с маленькой прихожей. Затем к этому дому они пристроили еще и просторную веранду, где можно собираться и пить чай по вечерам.

Д.И. Исаев

Всё это было в трудные 90-е годы, но Дмитрий Игоревич и Владимир Алексеевич умели обходиться минимумом покупных материалов. Все они делали своими руками.

– Если бы каждый построил бы себе такое помещение, – говорил мне Дмитрий Игоревич, – проблема жилья для преподавателей на базе была бы решена на много лет вперед!

– Ну, ты построил дом, ладно, – говорил я. – А если ты уйдешь из института, что тогда?

– Тогда в моей комнате будет жить кто-то другой, только и всего. Ведь дом построен на институтской земле, и мне не принадлежит, – отвечал он.

Предприимчивость Дмитрия Игоревича поражает меня. Он непрерывно что-то строит и ремонтирует, покупает материалы за свои деньги, а потом ухитряется эти деньги возвращать, предъявляя чеки в

Университете. Он организует студентов, и они каждый сезон работают у него на строительстве. Вместе с ним мы строили мостки к умывальнику, лесенку к источнику под крутым берегом. Вместе с Владимиром Алексеевичем они построили кирпичный дом для студентов, дровяной сарай и еще очень многое.

Предмет особой заботы Дмитрия Игоревича и Владимира Алексеевича – баня. Много лет назад она была построена на берегу Оредежа первыми преподавателями. Это Иван Петрович Тарасов, зав кафедрой физкультуры, а также преподаватели Владимир Яковлевич Шамис (кафедра физкультуры), Альберт Саидович Галлеев (кафедра физкультуры) Илья Леонидович Ильин (гидрофак), и преподаватели кафедры физики Иван Сергеевич Красько и Анатолий Петрович Бобровский. Баня была построена зимой 1979 – 80г. Затем случился пожар, баня сгорела, потом построили новую. Каждый год там нужно что-то ремонтировать, перестраивать, класть новые мостки к речке и так далее. Владимир Яковлевич Шамис и по сей день работает на базе (о нем речь впереди) и баню содержит в порядке. Дмитрий Игоревич и Владимир Алексеевич стали его главными помощниками. Но зато они топят баню для своих семей каждую неделю. Остальные преподаватели признают это их право и ходят в баню только по их приглашениям. Иногда этой чести удостаивали и меня.

Баня считается одной из главных достопримечательностей нашей базы. Правду сказать, заслуженно – горячая парилка нагревается до 90 градусов, в раздевалке стоит стол, за которым можно посидеть, завернувшись в простыню. И главное – рядом Оредеж! Выскочить из горячей сауны в чем мать родила и с разбегу нырнуть в речку - непередаваемое наслаждение!

Если на базу приезжает ректор или кто-нибудь из почётных гостей, для них обязательно топят баню. Помню, к нам приезжал профессор из Нидерландов. Днём он прочитал лекцию для студентов, на которой мне пришлось быть переводчиком, так как русского языка он не знал, говорил по-английски. А вечером Исаев пригласил его в баню и сам прочитал лекцию о русской парилке. Здесь мне тоже пришлось переводить. Парились тогда часа три. Я думаю, профессор надолго запомнил тот вечер.

Разумеется, энергия Дмитрия Игоревича распространяется прежде всего на учебный процесс. Он внедрил в практику съемку местности с помощью системы GPS. Он первый из гидрологов привез на базу компьютеры. Он непрерывно ставит новые и новые работы. Через территорию базы недалеко от входа протекает небольшой ручеек. Дмитрий Игоревич перегородил его маленькой плотиной, поставил там свои приборы и в течение ряда лет учил студентов измерять расход воды. А так как ручей течёт около конюшни, где мирно доживал свои дни наш конь Зенит, Дмитрий Игоревич своему ручью даже придумал название – ручей Зенит.

Очень многое сделал Дмитрий Игоревич и для организации досуга студентов. Он придумал проводить «День Нептуна» – посвящение в гидрологи. Нептун с трезубцем, с бородой из водорослей (эту роль обычно исполнял Александр Павлович Тенилов) приплывает в лодке на пляж, где его встречает Дмитрий Игоревич со своими студентами. Далее следуют различные испытания, потом Нептун посвящает студентов, поливая им затылки речной водой. Затем Дмитрий Игоревич командует: «Все за мной!» – и как есть, в одежде, бросается в речку! Новопосвященные гидрологи с визгом и криками прыгают за ним. Оказавшихся рядом зрителей хватают за руки и за ноги, и тоже бросают в воду!

Раза два или три мы наблюдали этот праздник, потом неугомонная Елена Георгиевна сказала мне:

– А мы-то чем хуже? У метеорологов есть свой бог – Зевс-Громовержец! Почему бы нам не сделать «День Зевса»? Нептун Зевсу и в подмётки не годится!

Годится, или не годится, а «День Зевса» мы проводим уже второй год. Здесь схожий, но несколько другой сценарий. Зевс (эту роль мне пришлось взять на себя) выходит к студентам со своей женой Герой. Он сердится за то, что студенты присвоили его полномочия, он в ярости угрожает всем своей грозной молнией! Гера просит его смягчиться и уговаривает испытать студентов. После веселых испытаний Зевс соглашается признать студентов своими помощниками и выдаёт каждому специальное удостоверение. Затем каждый пишет на листочке своё заветное желание, а записки прикрепляют к воздушному шару, который торжественно уплывает на небо.

Но сейчас – об Исаеве. Думаю, теперь понятно, почему студенты так любят Дмитрия Игоревича. Любовь эта взаимна. Года четыре назад Дмитрия Игоревича совсем доконала малая зарплата, и он решил – уходить! Нашёл место, хорошая работа по специальности, хорошая зарплата. Что еще надо? В Университете остался на полставки. Через год вернулся. Снова потянуло к студентам.

Владимир Алексеевич Иванов. По возрасту он мой ровесник. Добродушный, работающий, этаким русский мужичок с хитрым прищуром во взоре. Но я знаю, что он может твердо потребовать от студентов, когда это нужно.

Что мне больше всего нравится во Владимире Алексеевиче – это его способность сделать всё, имея минимум материалов. Он может построить дом от фундамента до крыши, может насадить рукоятку на топор так, что она никогда не соскочит, отремонтировать лодку, починить безнадежно сломанный двигатель автомобиля. Но больше всего он любит работать с деревом. Топор, пила, рубанок – его любимые инструменты. Это он сделал для нашей городской квартиры оригинальные дверцы к кухонному интерьеру, кухонный стол и комод для

прихожей. Это он постоянно подсказывал мне, когда я затеял ремонт камералок. Это он сделал в Даймище пирс для лодок, когда кругом не было ни одной доски. Как-то раз я восторженно похвалил эту его способность.

– Вот, – говорю, – жена мне все время ставит тебя в пример! Смотри, мол, как Володя всё умеет!

– Коля, – с улыбкой ответил он, – каждый должен делать то, что у него лучше всего получается! Ты, вот, например, знаешь, что ты сделал для моей Любы?

– А что я такого сделал? – удивился я.

И он поведал мне случай, который я совсем забыл, и которому в своё время не придал никакого значения. Его младшая дочь Люба училась на нашем факультете и слушала мои лекции. Когда подошла сессия, она сдавала мне экзамен. Отвечала она неплохо, ну, может быть, я на полбалла завысил ей оценку. Поставил пятёрку. Оказывается, это была её первая пятёрка за все время обучения! А дело было в середине третьего курса. Счастливая Люба примчалась домой, как на крыльях.

В.А. Иванов

– С тех пор, – закончил он свой рассказ, – у Любы совершенно изменилось отношение к учебе! Ей стало интересно учиться! И если раньше перебивалась на тройки, то потом пошли четвёрки и пятёрки!

Это я пишу не себе в заслугу, ибо таковой тут нет. Это я к тому, что мы сами порой не знаем, как наше слово и дело отзовется в головах и сердцах окружающих. Сколько раз я сам говорил людям: «А вот, помните, вы сказали...» Чаще всего ответ был «Нет, не помню». Как же мы, преподаватели, должны следить за собой, как взвешивать каждое слово, работая с впечатлительными неокрепшими душами студентов!

Владимир Алексеевич, кажется, самой природой предназначен для работы в деревне. Родись он на сто лет раньше, или на сорок-пятьдесят позже, из него вышел бы прекрасный фермер или зажиточный крестьянин. Но вот, стал он гидрологом, нашёл себя в работе в экспедициях, и здесь, в Даймище. Поле, лес, реку он чувствует прекрасно. Если он ловит рыбу – значит, вече-

ром будет уха. Если они с Исаевым пошли в лес за грибами или за ягодами – будьте уверены, вернутся с полными корзинами. Даже если остальные грибники приходят пустыми.

– Эти лоси, – говорила Елена Сергеевна Субботина, – обязательно что-нибудь найдут! А Володя просто чувствует, где грибы растут!

Я не знаю, выжила бы наша база вообще, или нет, в тяжелые 90-е годы, не будь у нас на практике двух «лосей» – Иванова и Исаева.

VII

– Ну, – скажете вы, – это всё? Ведь больше практик нет!

Нет, не всё. Каждый год с нами ездят преподаватели кафедры физкультуры. Без них жизнь в Даймище потеряла бы очень существенную часть. Теперь я хочу вспомнить и о них.

Первый, кого я помню, один из патриархов кафедры – это Иван Петрович Тарасов, заведующий кафедрой физкультуры до второй половины 80-х годов. Старый коммунист. Слово это стало сейчас почти ругательным. Но люди старшего возраста помнят порядочных, честных членов партии, которые скромно делали своё дело, стараясь следовать лозунгу «Всё во благо человека!». Вот именно таким был Иван Петрович. Студентов он любил. Да и как можно работать воспитателем без любви? Был он человеком очень добрым, скорее мягким, чем жестким. Всегда готов был помочь. Это он ввёл в практику лодочно-пешеходные походы в Большое Заречье.

Большое Заречье – это деревня у самого истока Оредежа, существовавшая до войны. Во время войны жители этой деревни помогали партизанам. Сведения о том, что там произошло, очень противоречивы. Факты обросли в советское время легендами. Бесспорно то, что вся деревня была сожжена фашистами, большая часть жителей погибли. Остались только обгорелые печи в чистом поле. После войны там был устроен мемориал. Место довольно глухое, от нашей базы до Заречья около 15 километров.

Каждую субботу, когда занятия кончались в час дня, Иван Петрович брал очередную группу студентов, рассаживал их в лодки и плыл с ними вверх по Оредежу. Через Чикинскую плотину лодки переносили на руках. Дальше плыли через озеро и снова вверх по реке до тех пор, пока можно было плыть. Затем, на заранее выбранном удобном месте лодки вытаскивали на берег, оставляли двух-трёх дежурных во главе со вторым преподавателем, а Иван Петрович вел основную группу через лес в Заречье.

Однажды я участвовал в этом походе вместе с десятилетним мальчиком, который приехал со мной из города. Помню, как, не сговариваясь, мы все собирали цветы при подходе к Заречью. Около мемориала Иван Петрович нас построил, коротко изложил историю гибели

деревни, затем скомандовал: «Отряд, смирно!» и объявил минуту молчания по погибшим. Затем мы возложили цветы к памятнику.

Мне очень жаль, что сейчас эти походы не проводятся. В последний раз наших студентов возил в Заречье на автобусе Александр Александрович Семочкин, о котором я писал. Но это – эпизод, а Иван Петрович проводил походы регулярно. Почему бы не возродить эту традицию? Пять-шесть лодок в Университете для этого можно найти!

Когда в конце 80-х годов в институте проходило сокращение преподавателей, то Иван Петрович решил эту болезненную проблему для своей кафедры самым благородным образом – сократил сам себя. С тех пор я его видел только по праздничным дням, когда он приходил в институт на собрания. Теперь этого замечательного человека уже, к сожалению, нет в живых.

Одна из старейших сотрудниц кафедры физкультуры – Антонина Ивановна Гансон. Когда я начал выезжать в Даймище, ей уже было около семидесяти. Преподаванием она уже не занималась, в её обязанности входила выдача студентам вёсел для лодок и другого спортивного инвентаря.

Каждое утро и каждый вечер Антонина Ивановна купалась в Оредеже. Иногда бывало – холодно, ветер, утром я выхожу из барака в куртке, а Антонина Ивановна мелкой трусцой бежит с пляжа.

– Антонина Ивановна, неужели не холодно?!

– Нет, вода хорошая, так бодрит, так приятно!..

Худошавая, сухонькая, в чём душа держится! А бегала она так, что не всякий молодой догонит! Это она показала нам грибные и ягодные места, когда мы с семьей стали отдыхать в Даймище в августе. Антонина Ивановна оставалась на базе до сентября. В нашем небольшом коллективе дачников она старалась поддерживать порядок. Иногда на нашем большом холодильнике появлялись такие записки: «Просьба освободить холодильник от портящихся продуктов!» И подпись – «Жильцы». Мы знали, что это Антонина Ивановна.

Где-то в начале 90-х годов Антонина Ивановна оставила работу и стала ездить в Даймище только в августе на отдых. Жили они в одной комнате с Мариной Васильевной Шленёвой, которая к тому времени также не работала. У Марины Васильевны очень ухудшилось зрение, жить в одиночку она уже не могла. Пыталась собирать ягоды на ощупь... Мы старались помочь этим двум трогательным старушкам.

– Антонина Ивановна, я еду на велосипеде в Батово, что вам купить?

– Ой, если не трудно – половинку хлеба и сто граммов масла. Спасибо вам!..

Хлеб тогда бывал не всегда, приходилось подгадывать «к привозу». Антонина Ивановна и Марина Васильевна жили очень бедно, старались экономить на всём.

Помню, сидя у себя в комнате, я вдруг почувствовал запах дыма. Выскочил в коридор. Дым шёл из комнаты, где жили наши старушки. Без стука я ворвался к ним в комнату и увидел, как Марина Васильевна, обжигая руки, пытается потушить тлеющее полотенце, которое упало на раскалённую плитку. Я выхватил у неё полотенце, побежал на улицу к умывальнику, бросил его в корыто и включил воду. Следом за мной семенила Марина Васильевна.

– Только не говорите Кадику! Только не говорите ему! – умоляла она со слезами на глазах. Конечно, я никому не сказал. Барак проветрили, и эпизод был забыт.

Как несправедливо и жестоко обошлась судьба (а точнее, наше государство!) с этими женщинами, честно проработавшими всю свою жизнь! Убогая комнатка в бараке, нищая пенсия – вот вся их награда в старости! Они были рады собрать немного грибов, сварить хоть поллитровую баночку варенья. Из-за баночки варенья у них и вышла ссора. Куда-то задевалась банка Антонины Ивановны, и она обвинила Марину Васильевну. Смертельно обиженная, в слезах, Марина Васильевна собрала вещи и уехала. Больше мы её не видели. Антонина Ивановна осталась одна. Через три дня и она решила съездить в город. В городе она слегла в больницу с инфарктом, и через несколько месяцев умерла. Все её вещи остались в Даймище, в том числе и злосчастная баночка с вареньем...

Владимир Яковлевич Шамис, тоже один из ветеранов кафедры физкультуры. В Даймище он ездит больше 45 лет. Как никто другой, Владимир Яковлевич умеет провести любые соревнования, игры, эстафету и прочие спортивные мероприятия. Высокого роста, крепкий, он уверенно распоряжается на спортивной площадке, командует по-военному чётко. Владимир Яковлевич имеет звание спортивного судьи международной категории.

В 80-х годах Владимир Яковлевич ездил в Даймище вместе с женой и маленькой дочкой Вероникой. Каждое утро он бежал с Вероникой вокруг метеоплощадки. Обязательно босиком. Веронику я помню общительной, жизнерадостной девочкой. Сейчас она уже взрослая, замужем. А Владимир Яковлевич так до сих пор и бегают босиком, хотя в этом году ему уже стукнуло 70.

На первый взгляд Владимир Яковлевич очень строгий и резковатый в общении. На самом деле он очень доброжелательный человек. Когда у меня во время практики случился приступ остеохондроза, он заметил, что я хожу согнувшись, и предложил мне помощь. Массаж он делает профессионально, несколько сеансов мне существенно помогли, а когда я заикнулся о плате, он даже и слушать меня не стал.

Обычно Владимир Яковлевич жил с семьёй в небольшой пристройке к «кафедре физкультуры» – так называлось у нас помещение за метеоплощадкой, где хранился спортивный инвентарь. Но в середине 90-х слу-

чился пожар, сгорела и кафедра и пристройка. Остался лишь фундамент. В первый же сезон Владимир Яковлевич сам, один, построил на этом фундаменте дом для себя и своей семьи. С топором он управляет отлично. Это он вместе с Альбертом Саидовичем Галеевым были в числе тех преподавателей, которые строили баню на базе. Он же когда-то подрядился строить маленькую метеоплощадку на крыше нашего городского корпуса. Площадка просуществовала лет десять, пока не понадобилось ремонтировать крышу.

В.Я. Шамис

Лет десять назад случился у Владимира Яковлевича сложный перелом бедра. Некоторое время ходил он на костылях, и казалось сомнительным, что он сумеет вернуться к спортивной жизни. Но упорными тренировками он вернул себя в прежнюю форму. И сейчас, несмотря на свои семьдесят, он ходит босиком по базе, и его властный голос по-прежнему звучит у нас во время соревнований.

Если пройти от «дома Шамиса» чуть дальше по берегу реки, то вы увидите еще один дом. Его построил Альберт Саидович Галеев, тоже один из старейших преподавателей, страстный любитель лыжных прогулок и дальних лодочных походов по таёжным рекам. Альберт Саидович постоянно бывал на практике в Даймище до самого последнего времени, занимался организацией спортивных соревнований и игр. Его сын Искандер учился на гидрофаке. Бывал, конечно, и в Даймище. И когда я вижу в Интернете подпись «Суровый романтик», я знаю, это он, Искандер Галеев, сын нашего Альберта Саидовича.

Свой дом Альберт Саидович построил буквально из подручных материалов. В ход шло всё – доски от ящиков, даже пустые бутылки! В своём доме Альберт Саидович живет даже зимой. Лето, правда, он предпочитает проводить в дальних походах.

Несколько лет назад Альберт Саидович ушел с кафедры физкультуры и теперь работает на военной кафедре. В этом году он был в Даймище уже в новом качестве – командир студенческого взвода, который проходил военные сборы в Сиверской.

Кира Львовна Артемьева. Ну, об этой женщине писать не мне. О ней пишут центральные газеты, её фотографии помещают в спортивной хронике. Наша Кира Львовна чемпион мира по дзюдо среди ветеранов. Я видел её медали, полученные в разных частях света – в Европе, в Южной Америке. Их вес скоро можно будет считать на килограммы!

Глядя на эту маленькую, хрупкую, и уже, в общем, немолодую женщину, трудно поверить, что она может запросто бросить на пол здорового мужика! Но это действительно так, что Кира Львовна не раз и показывала студентам.

В Даймище она бывает каждый год. Но целый сезон – никогда.

– Кира Львовна, вот хорошо, что вы приехали! Надолго?

– Нет, до следующей недели. Лечу в Перу, на первенство мира.

А недели через две Шамис утром скажет на линейке:

– Кира Львовна Артемьева снова завоевала первое место и стала чемпионом мира по дзюдо!

Естественно, что наряду с обычными спортивными занятиями Кира Львовна обучает студентов приемам дзюдо. Особым вниманием у неё пользуются девочки. И неудивительно, что женская команда дзюдоистов нашего Университета считается одной из сильнейших в городе.

Тамара Алексеевна Ширшова. Выезжала в Даймище в течение ряда лет. Когда Иван Петрович перестал сам ходить в походы, она водила студентов на лодках, а сам он ехал в Большое Заречье на велосипеде и встречал отряд там. Тамара Алексеевна очень весело проводила утреннюю зарядку.

– Полетели, птички, полетели! – командовала она, быстро взмахивая руками, как крыльями. Студентам это очень нравилось. Сама она, симпатичная стройная женщина, разминалась так, что нельзя было не любоваться! Когда в 90-х годах вошла в моду аэробика – быстрые спортивные упражнения под музыку – Тамара Алексеевна открыла кружок аэробики. Туда она приглашала всех – студентов и преподавателей, мужчин и женщин.

– Смотрите на меня и старайтесь делать то же самое! – учила она. – Не будет получаться – ничего страшного, делайте хоть как-нибудь! Устанете – прервитесь, никто вас не гонит!

Включалась музыка, и Тамара Алексеевна начинала быстрый спортивный танец. Угнаться за ней было трудно. Я очень жалею, что в своё время не сделал фотографию – Тамара Алексеевна грациозно танцует перед группой неповоротливых подражателей. Даже моя жена участвовала в этих танцах.

Несколько лет назад Тамара Алексеевна стала заведующей кафедрой физкультуры, так что теперь она в Даймище не ездит. А жаль!..

Константин Николаевич Смирницкий. В первый раз он приехал в Даймище в 2003 году. Занимался, конечно, спортивной работой, но главное, в чем он себя проявил – это организация вечеров, КВН, соревнований знатоков и прочих атрибутов студенческой жизни. При встречах с ним у меня всегда поднимается настроение. На его лице всегда сияет улыбка. Всем своим видом он, кажется, говорит: «Как я рад видеть вас!» Конечно, такое его обращение распространяется и на студентов. Всё он делает легко, с юмором, с шутками. Даже когда нужно сделать студентам замечание, он делает это так, что те стыдливо улыбаются.

К.Н.Смирницкий

Кажется, Константин Николаевич знает невероятное количество разных веселых конкурсов, интересных вопросов для «Клуба знатоков», соревнований на звание «Мисс Мечта Набокова» и так далее. Вместе с Ольгой Валерьевной Тениловой они составили замечательный тандем и подняли наши даймищенские вечера на совершенно новый уровень.

Мы с Константином Николаевичем сразу как-то сблизились. Оказалось, что он, так же как и я, любит стихи, знает много стихов наизусть и может сам к случаю кое-что написать. Мы подолгу сидели с ним на скамейке перед баракom, обсуждая всякие вопросы. И в большинстве случаев, наши мнения совпадали.

Очень удачно вписался Константин Николаевич в нашу лагерную жизнь. И мне хочется надеяться, что он будет работать здесь со студентами еще многие годы.

VIII

Моя последняя глава о тех, кто не принимает участия в работе со студентами, но без этих людей жизнь на базе была бы невозможной, ибо они-то её и обеспечивают. Это работники базы, это сотрудники библиотеки и столовой. Всех их возглавляет заведующий базой. С заведующих я и начну свой рассказ.

Я застал двоих заведующих. Прежде всего, это Александр Тимофеевич Парфеев. Он коренной житель села Даймище. Участник войны. Когда я впервые приехал сюда в 1973 году «на картошку» со студентами, он был уже пожилым человеком. Сейчас ему девятый десяток, он давно не работает, но до последних лет ездил на своём стареньком «москвиче» за сеном для коровы.

Стиль работы Александра Тимофеевича – это обстоятельность, неторопливость, расчетливость. Его работа пришлась на советский период, когда база была побогаче, чем сейчас. Можно было, например, взять у него сапоги для всего отряда студентов. У него были ведра, занавески, веники, не говоря уже о постельных принадлежностях. Всё это добро с улыбкой выдавала его жена Людмила Ивановна, которая тоже была сотрудницей базы.

Жили Парфеевы в деревне, но однажды в их доме случился пожар. В течение нескольких лет, пока не отстроили новый дом, Александр Тимофеевич с Людмилой Ивановной жили в маленьком домике у входа на базу. Каждый день Людмила Ивановна ездила через мостик на велосипеде – ухаживать за коровой.

Как участник войны, Александр Тимофеевич получает неплохую пенсию, но вот Людмила Ивановна даже не имеет звания «Ветеран труда». Оказалось, что по существующим законам ей нельзя дать это звание – не хватило каких-то там наград. И теперь она вынуждена платить огромные, по деревенским меркам, деньги, чтобы съездить в город за полную стоимость, без льгот. И мне, бывшему работнику профкома, стыдно смотреть в глаза этой женщине, когда она при встрече говорит мне: «Как же так?...»

После ухода Александра Тимофеевича на пенсию во второй половине 80-х годов заведующим базой стал Борис Владимирович Кадик. И по характеру, и по обращению, он очень отличается от своего предшественника. Борис Владимирович раньше работал в лаборатории на гидрофаке, многие годы был членом профкома института. Стиль его работы – строгий контроль и строгий отчёт. Борис Владимирович всегда точно следует букве документа. Каждого сотрудника и каждого студента он заставит расписаться в получении постельных принадлежностей на складе. Все документы он аккуратно хранит в течение

многих лет, вплоть до самых незначительных бумажек. Эта его особенность, кстати, иногда оборачивалась положительными сторонами.

Наша с ним работа на базе началась с того, что я вдруг оказался в чем-то виноватым. Привыкнув к вольной жизни с Парфеевым, я не мог понять и принять требований Бориса Владимировича. Мы конфликтовали, спорили, обижались друг на друга. Мне было непонятно, почему нужно просить его разрешения, чтобы открыть большой зал столовой и провести там, например, лекцию профессора из Голландии. Я не понимал, почему нужно селить всех студентов в одну комнату, когда рядом пустуют еще три. В таком же положении были и остальные преподаватели.

Б.В. Кадик

А наши приезды на базу! Ведь никогда не получается приехать утром, всегда есть какие-то дела в городе. Приезжаю, например, часов в семь вечера.

— Здравствуйте, Борис Владимирович! Вот я приехал, получить бы у вас белье!

— Приехал? Молодец! А мой рабочий день до пяти часов! Ты бы еще ночью прикатил! Совсем никакого уважения к людям у вас нет!

— Ну, Борис Владимирович, вы же

знаете, дела!.. Не мог же я приехать завтра утром, завтра уже студенты приедут! Вот, белье бы мне...

— Нет, нет, и не проси! Ночевать будешь на голых досках! Что я вам, в конце концов, железный, что ли?

Обиженно поворачиваюсь к двери, соображая, где бы мне раздобыть хотя бы матрасик.

— Ну, куда пошел-то? Идем к складу, что с тобой делать!

И выдает белье. Потом мы все уже знали эту особенность Бориса Владимировича и не принимали его выговоры близко к сердцу.

Борис Владимирович требует точного оформления всех документов. Не дай Бог приехать без какой-нибудь бумажки. Скандал гарантирован.

Читателю понятно, что особенно тёплых чувств к Борису Владимировичу мы не испытывали. Но вдруг оказалось, что этот суровый до грубости человек может прекрасно исполнять старинные романсы! Как-то за столом, уже после отъезда всех студентов, Борис Владимирович открылся нам совсем с другой стороны! Оказалось, что он помнит многих старых преподавателей, и о каждом из них может сказать доброе слово. Отношения наши заметно потеплели.

На протяжении многих лет Борис Владимирович именовался в приказе как «представитель ректората на практике, руководитель хозяйственной и учебной работой». Однажды на Ученом Совете я обратил внимание ректората на эту явную нелепость.

– Не может, – говорю, – Борис Владимирович руководить учебной работой! Хозяйственной – да, но не учебной же! Нужно назначить представителем ректората одного из авторитетных преподавателей.

И предложил кандидатуру Кузьмина. Ректорат согласился, и с тех пор Юрий Александрович стал нашим общим начальником. Порядок на базе заметно упрочился.

Первое время Борис Владимирович был обижен на меня за это выступление. Но потом он почувствовал, какая тяжесть скатилась с его плеч. Сейчас он по-прежнему заведует базой, выговаривает нам за поздние приезды, а по вечерам мы с ним иногда сидим на скамеечке и вспоминаем минувшие годы. Это всегда приятные беседы. Ведь запоминается только хорошее, и даже наши бывшие конфликты теперь вспоминаются с ностальгической улыбкой.

У Бориса Владимировича две взрослые дочери – Ольга и Наталья. Ольга Борисовна работает у нас в Университете и, как я уже писал, выезжает на практику. Наталья Борисовна унаследовала от отца прекрасный голос. Когда она иногда приезжает на базу, то обязательно посидит со студентами у костра с гитарой в руках. Если вы будете на базе в эти вечера, вы с удовольствием послушаете её песни.

Несколько слов о сотрудниках библиотеки. Ведь на практике не обойтись без учебной литературы. Поэтому одна веранда в торце преподавательского барака у нас отведена под библиотеку. В начале практики полки заполняются привезенными из города книгами, а через два-три дня снова пустеют – книги выданы студентам.

Долгое время библиотека института посылала своих сотрудников на базу. Последней сотрудницей библиотеки была Наталья Адольфовна Горбачёва. Даймище она любила, оставалась отдыхать здесь в августе вместе со своим сыном. Исключительно добросовестная женщина, она всегда держала двери нашей библиотеки открытыми по вечерам.

– Наталья Адольфовна, да пойдёмте за черникой! Ну, кто к вам сейчас придет, все студенты на футболе!

– Нет, нет, а вдруг кто-нибудь захочет взять книжку? У нас же есть и художественный абонемент! Нет, раз написано – я должна быть здесь до девяти!

Художественную литературу во время практики берут редко. В основном, это преподаватели, для которых Наталья Адольфовна готова была открыть библиотеку в любое время.

Где-то в конце 90-х годов она перестала ездить на практику, и должность библиотекаря у нас «сократили». Библиотекой по совместительству заведовала Ульяна Павловна. А с её уходом эта обязанность перешла к Наталье Константиновне Екатериничевой.

Наконец, рабочие базы. У нас постоянно живет Евгений Васильевич Савченко, «рабочий высшей категории», как записано в его трудовой книжке. Действительно, он умеет всё – ремонтировать электропроводку, сваривать железо, резать стёкла и работать с деревом. Наша мастерская – его постоянное место работы. И всё бы хорошо, только однажды сказал Евгений Васильевич во время застолья:

– Вы имейте в виду, что здесь, на базе, постоянно живут только полтора пенсионера – Кадик и я!

Себя он, очевидно, посчитал за половину. Немолод Евгений Васильевич, это правда. И здоровье у него не очень-то крепкое. Но по-прежнему живёт он на базе летом и зимой в своем домике над крутым берегом Оредежа.

Не могу не вспомнить еще одного человека, которого я видел на базе за рулем грузовой машины в 1973 году. Фамилия этого пожилого шофера была Кисконен. Был он по национальности финн. Во время войны воевал на стороне Финляндии, и был, говорят, личным шофером Маннергейма. Попал в плен, отсидел в лагерях 10 лет. На склоне жизни оказался здесь, в Даймище. Молчаливый, неулыбчивый, он водил машину замечательно. Не знаю его дальнейшей судьбы, надо полагать, что его уже нет в живых...

Герман Иванович Васильев, рабочий, сотрудник нашей кафедры. Живет он в маленьком домике у «водородки», в лесу. Герман Иванович подчиняется лично заведующему кафедрой, Анатолию Дмитриевичу Кузнецову. Во время практики он исполняет по нашему заказу мелкие столярные и слесарные работы.

В конце 90-х годов Герман Иванович построил баню – совсем радом с «водородкой».

– Надо же хоть иногда дать нашим студентам помыться! – говорила Наталья Константиновна. – Да и нам не нужно будет просить ключ у Иванова и Исаева!

Баня вышла на славу. Однажды я там парился вместе со студентами. Но простояла она всего один сезон, следующей зимой сгорела. Частично пострадал и сам дом в «водородке», кое-какие приборы погибли. Последствия пожара мы ликвидировали в течение нескольких лет. Но восстанавливать баню уже не стали.

В последние годы Герман Иванович стал с трудом ходить. В этом году впервые я совсем не видел его в Даймище. Трудно ему.

О работниках столовой – о поварах. Их за эти годы сменилось много. Но мне запомнилась Татьяна Борисовна Борисенко, работавшая в Даймище больше десяти лет. Студенты её любовно называли «тетя Таня». Готовила она вкусно, а ведь это не просто – приготовить обед на двести человек, особенно если часто отключают электричество.

Выезжала в Даймище бывшая заведующая нашей университетской столовой – Ирина Тимофеевна Логинова. К сожалению, зимой прошлого года она умерла. И сейчас уже второй год ездит на практику Татьяна Григорьевна. О её работе лучше всего говорит плакат, вывешенный студентами в столовой:

Спасибо нашим поварам
За то, что вкусно варят нам!

* * *

Я закончил свою повесть о нашей практике в Даймище. Как на киноленте, передо мной прошли портреты тех, с кем я работал и работаю на базе. И вдруг я понял, что, несмотря на все жестокие удары судьбы, мне в чем-то очень повезло. Повезло именно в том, что я работал с этими людьми.

Полевые условия работы на практике шлифуют характеры и беспощадно фильтруют людей. Случайные уходят, остаются лишь самые достойные.

Наверно, это и есть счастье – заниматься своим любимым делом вместе с такими замечательными людьми на прекрасной земле Верхнего Оредежа.

Август 2007 г.

Н. Григоров

Занятия в камералке.

Группа студентов в походе. Измерение радиоактивного фона местности.

Обзор погоды проводят студенты М. Кипень, И. Кулигина и С. Любимцева.

Измерения градиентов скорости ветра, температуры и влажности.

